

Е. СОВОЛЬ

# ДАРИТЕЛИ



ЗЕМЛЯ  
ЗАБЫТЫХ

Дарители

Екатерина Соболев

**Земля забытых**

«РОСМЭН»

2017

УДК 821.161.1-312.9-93  
ББК 84(2Рос=Рус)6

**Соболь Е.**

Земля забытых / Е. Соболь — «Росмэн», 2017 — (Дарители)

ISBN 978-5-353-08631-4

Четвертая книга уже полюбившейся читателям саги Е. Соболь «Дарители». Освальд задумывает новую игру, и Барс с готовностью вступает в нее. Генри и Эдвард, Роза, Джетт, Хью — фигуры уже расставлены на доске. Кто первый доберется до неведомого Предела и узнает самую главную тайну Королевства? Неутомимый Освальд разработал такой коварный план, что, конечно же, перехитрит всех на свете. Главное, чтобы он не обманул самого себя. А то ведь такого можно натворить, что даже Генри не поможет.

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-08631-4

© Соболь Е., 2017

© Росмэн, 2017

# Содержание

Пролог	6
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	39
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

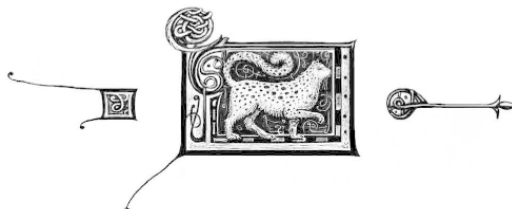
# Екатерина Соболев

## Земля забытых

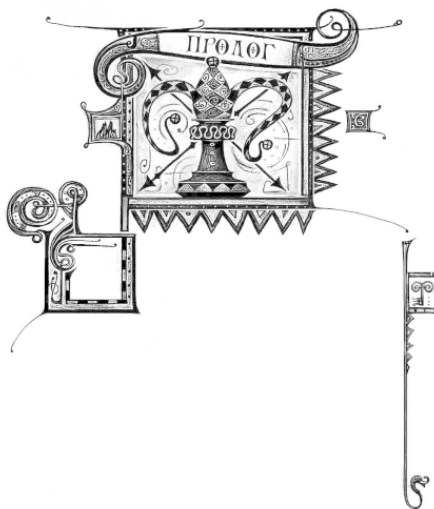


В серии «Дарители» вышли книги:

1. Дар огня
2. Короли будущего
3. Игра мудрецов
4. Земля забытых



## Пролог



Эту историю знает каждый: жил да был великий волшебник, который любил путешествовать в виде барса. Истинного его обличья никто никогда не видел, но предположений было множество: старик с пушистой бородой, великан, невиданное создание из мира волшебства или просто сущность без четкой формы. Книг о том, кто такой Барс и почему ему нравится притворяться огромным сияющим котом, было написано столько, что за всю жизнь не прочтешь, но лично я всегда считал, что изначального облика у него и вовсе нет. Когда-то наша земля породила вот такого странного говорящего зверя, а все эти невероятные легенды – просто выдумка.

Как выяснилось, я был не прав. Все были не правы, кроме малоизвестного мудреца по имени Фредерик Наивный, который в тысяча пятом году сочинил трактат «О великой тайне». Там он описал теорию настолько безумную, что после распространения его труда все отказались с ним разговаривать, и он умер в одиночестве, удалившись от мира в хижину, затерянную среди непроходимых лесов. Бедный Фредерик! Вот и говори людям после этого правду.

Насколько я знаю, единственная уцелевшая копия трактата «О великой тайне» хранится в королевской библиотеке (с возмущенной надписью «Какое вранье» на последнем листе, оставленной безымянным читателем сотни лет назад). Остальные экземпляры ушли на растопку печей в мрачную эпоху после потери Сердца, когда тепло и удобство люди начали ценить больше, чем философские сочинения.

Но давайте на время забудем о невероятной догадке Фредерика и вернемся к истории, знакомой каждому. В незапамятные времена Барс создал королевство, полное чудес, главным из которых было Сердце волшебства, наделявшее каждого жителя особым даром: играть на скрипке или с необыкновенной скоростью выращивать цветы, лечить прикосновением или чинить сломанное. И все было прекрасно, пока на трон не взошел злобный король Освальд, который мечтал стать бессмертным. Узнав, что Сердце может исполнять желания, он немедленно этим воспользовался, отчего Сердце ослабело и едва не погасло. Тут в истории появляется великий и могучий Сивард, который отправился в дальний путь и с помощью волшебника по имени Тис спрятал Сердце. Но и здесь Освальд все испортил: он послал вдогонку разрушителя, обладавшего даром уничтожать прикосновением все, до чего дотронется. Разрушитель и Сивард сошлись в битве, и оба погибли, Сердце осталось спрятанным неизвестно где, а

королевство с тех пор влачило жалкое существование: люди рождались бездарными и ценили только деньги да старинные вещи, сделанные мастерами прошлого.

Триста лет люди пересказывали друг другу эту красивую и грустную легенду в которой героев так легко отличить от злодеев. Вот только на самом деле не было никакого разрушителя, дар огня был у самого Сиварда. Тис струсил и не стал помогать ему а затем дал Освальду волшебный меч, чтобы убить героя, которого дар огня под конец похода едва не превратил в чудовище. Освальд был отцом Сиварда и, поверьте, вовсе не желал ему смерти, а Барс, который мог все это остановить в любой момент, даже не шевельнул ради этого своей пушистой лапой.

Уверен: то, что случилось триста лет спустя, молва тоже превратит в поучительную басню, где безупречным героям противостоят жестокие злодеи. Но я знаю, что вы не из тех, кто принимает на веру любую выдумку. Вы – искатели правды, и именно ее я собираюсь рассказать.

Все началось, как это обычно и бывает, с матери. Я любил ее больше всех на свете, а когда мне было двенадцать, она заболела и умерла – такое случалось даже в королевстве даровитых мастеров. Ни один целитель, от рук которого зарастают порезы и ожоги, не возьмется лечить смертельную болезнь или рану: на это нужно столько сил, что целитель и сам вскоре умрет, – возможно, не сразу, но точно раньше отведенного ему срока. Мой отец был королем, и я на его месте угрозами заставил бы целителей спасти ее, – разве жизнь королевы не важнее их жизней? – но в стране мастеров каждый, увы, ценился одинаково, будь он монархом или сапожником. Вот тогда я и подумал о том, что нужно это изменить. Какой смысл править, если твои приказы не исполняют беспрекословно?

А хуже всего было то, что мой собственный дар, дар предвидения, говорил мне, что ничего не исправить. Я видел мамину смерть снова и снова, но все равно не терял надежду ведь в сказках вечно повторяли: если что-то очень сильно нужно тебе, так сильно, что ничего за это не жаль, попроси Барса, и он совершит чудо. Он ведь создал целое королевство – что ему стоит изменить будущее! И я звал его, умолял днями и ночами, но он не явился, и моя мать умерла.

Глядя на ее холодное тело, я понял, что не желаю превращаться во что-то подобное, даже если это написано на роду каждому на земле. К счастью, мы живем в волшебном королевстве, где возможно даже невозможное. И когда много лет спустя я исполнил свою мечту, стал бессмертным тираном и вместе со всеми в королевстве лишился дара, никаких угрызений совести я не испытывал, уж поверьте. Даже то, что пришлось убить Сиварда, меня не уничтожило, – я с двенадцати лет приучил себя не любить никого слишком сильно.

«И прежде чем навеки закрыть глаза, великий Сивард сказал: «Однажды эта игра продолжится»». Мой сын ничего такого не говорил, эту присказку выдумал Тис, но я точно знал, что Барс однажды решит вернуть людям Сердце и наверняка выберет своим новым героем юношу с даром огня, который исправит ошибки Сиварда. Все сказки нашего королевства бесконечно перекликаются, отражают друг друга, как лабиринт из зеркал, – то ли у Барса какая-то безумная мания повторения, то ли просто плохое воображение. И мне пришла в голову отличная идея: украсть такого ребенка, научить его управлять даром и во всем мне подчиняться. Изящный и простой план, но вы уже сами знаете, чем он закончился.

Я ждал, что следующий разрушитель родится едва ли не через день после смерти Сиварда, – не оставит же Барс свое драгоценное королевство без волшебства надолго! Но я ошибся: либо Барсу давно наплевать, что тут творится, либо он все проспал, а может, решил помучить людей, но мне пришлось ждать почти три сотни лет. За это время я в совершенстве освоил множество умений – от вранья и манипуляции людьми до шитья курток и охоты на оленей.

Чтобы не упустить момент, когда у ребенка, которого добрый Барс при рождении осчастливит такой прекрасной способностью, впервые проявится дар, мы с Джоанной, моей бессмертной подружкой-волшебницей, заручились поддержкой грибня. Вы их помните из сказок:

несуразные молчаливые существа, похожие на криво сшитых игрушечных медведей. Они чувствуют волшебство, и я знал: первое проявление дара огня будет вспышкой, которую они точно заметят.

Думаю, грибки получили свое название из-за шляп, которые они никогда не снимают, – у каждого в их племени она своего цвета и фасона. Тот грибень, который взялся нам помочь, был в облезлой соломенной шляпе с красной лентой, и Джоанна прозвала его Соломкой. Она пообещала его народу кое-что такое, от чего грибки не в силах отказаться. И вот однажды, когда я уже почти забыл про наш уговор трехсотлетней давности, Соломка забрался к нам в окно и потянул за собой.

Было ветреное майское утро, полное запахов и звуков, и я сразу же узнал место, куда мы переместились. В этом саду я играл все детство.

– У старого кота, видимо, с головой совсем плохо, – прошептала Джоанна. Она Барса тоже не жалуется. – Еще один младший принц с даром огня? И как, интересно, мы его незаметно украдем?

Мы стояли за пышными кустами сирени, а Соломка указывал лапой в сторону пестро одетого мальчика, который лихорадочно закапывал что-то под деревом, – видимо, прятал предмет, который чуть не спалил своим новообретенным даром.

Сотни лет мы следили за династией Олденов, и эта семья была хуже всех: слабый король, взбалмошная королева и двое бестолковых детей. Перед нами был младший, надоедливый болтливый слюнтяй, который вечно таскался за старшим, как привязанный, часто плакал, но еще чаще смеялся. Сивард с рождения был мрачным и серьезным, как будто на нем сразу лежала печать будущего дара. Предположить, что вот из этого толстощекого хохотуна вырастет разрушитель, было все равно что надеяться, что из кузнечика рано или поздно получится леопард. Моя идея внезапно показалась мне ужасно неудачной, но отступить было поздно.

– Роберт, я кому сказал: отдай меч! – раздался из-за деревьев крик второго ребенка. – Найду и голову оторву!

Мальчик, вытирая рукавом слезы, бросился к ручью около конюшни, отмыл испачканные землей руки и замер, глядя на них так, будто они чужие. Голос старшего приближался, но к тому времени, как тот выбежал на поляну, младший спрятался в зарослях ирисов. Если бы он просто дождался брата и рассказал ему правду, мой план провалился бы, но людей, даже маленьких, вечно подводит решение скрывать свои тайны.

В тот день мы с Джоанной дождались подходящего момента и выполнили то, что задумали. Мальчик все-таки вылез из укрытия, его нашли слуги, и он поехал с семьей на пикник в горные охотничьи угодья. Джоанна усыпила сонным порошком даму, приставленную смотреть за принцами, и сбросила ее тело в ущелье, оставив на камнях следы своей крови, чтобы все поверили, будто ребенок погиб. Старший, к счастью, был все еще обижен из-за своего драгоценного меча и бросил младшего в одиночестве, и тогда я поймал его, аккуратно, как дикого зверька, взял Джоанну за руку, и мы исчезли.

Она перенесла нас в хижину, которую я построил на севере, около деревушки Хейверхилл, и тут же вернулась назад, – мы решили, что, раз уж она может принять чье угодно обличье, пусть изобразит блондиночку, которая теперь покоится на дне ущелья. Джоанна обещала вернуться ночью, когда все уснут, – она могла сделать так, чтобы мальчик забыл, кто он и откуда, но для этого заклания ей требовалось время. Мне надо было продержаться до ее возвращения наедине с шестилетним ребенком, и я собирался слегка ударить его по голове, если он будет слишком долго и утомительно ныть, но не пришлось.

Мы сидели в разных концах комнаты, я и он. За окнами пели птицы, доски пола нагрелись от солнца. Я надел на мальчика детские перчатки Сиварда, чтобы он ничего не сжег, связал ему руки за спиной и примотал веревкой к шкафу, а сам сел на пол и молча наблюдал, как он пыхтит в попытках сдвинуть шкаф с места. Конечно, он плакал, звал брата, мать, отца. Но

недолго: понял, что они не услышат. Тогда он начал уговаривать меня отпустить его, пока не сообразил, что мне его не жаль.

– Тебе нужны деньги? – просипел он наконец. – Мой отец тебе заплатит, если вернешь меня.

Для ребенка, незнакомого с понятием выкупа, мыслил он здраво. А потом это сопливое существо удивило меня еще раз.

– Перчатки. Я такой, как разрушитель из сказки про Сердце волшебства, да? – выдавил он. – А ты король Освальд.

Не знаю уж, с чего он это взял, – наверное, в его крошечном мире я был единственным возможным злодеем.

– Я убью тебя, – прибавил он, плечом вытирая мокрое лицо. – Развяжи, и давай сразимся по-честному.

Глупость, конечно, но размах замысла мне понравился. А он продолжал говорить – торговался, упрашивал, пытался обмануть меня, подманить ближе, явно в надежде ударить или укусить. Все это было наивно, но, как говорится, «узнаешь волка по зубам волчонка». Отчаяние доводит слабых до истерики, но сильных оно делает умнее и спокойнее. И я понял, что он – из вторых.

Потом он замолчал, глядя в одну точку, – наверное, мысленно просил Барса спасти его, и мне было приятно от мысли, что Барс разочарует его так же, как когда-то меня. Когда помощь не пришла, он не заплакал, только начал просить воды, повторяя, что ему жарко. Я видел по глазам: он все еще надеется меня перехитрить, и так к нему и не подошел.

Но за эти полдня, пока в семье короля все обвиняли друг друга в гибели ребенка, пока моя подруга плела вокруг них свою паучью сеть лжи, а перепуганный до смерти старший принц рыдал в своей комнате, что-то во мне неприятно изменилось. Солнце двигалось к закату, жители деревушки Хейверхилл, которые нас еще не знали, сажали петрушку на своих скудных полях, а я наблюдал за мальчиком и думал: когда он забудет, что ненавидит меня, мы поладим. Он похож на меня куда больше, чем на свою унылую семейку.

Джоанна вернулась глубокой ночью. Она была все еще в обличье придворной дамы, и я думал, мальчик бросится к ней, но фальшивая внешность его не обманула. Он просто затаился, выжидая момент, чтобы сбежать.

– Он не станет идиотом, если ты сотрешь ему память? – негромко спросил я.

– Не сотру, просто запру, – покачала головой Джоанна. – Я могу менять свойства вещей, а не сущность. Но если от заклинания он совсем отупеет, просто сверни ему шею, и будем ждать, пока родится другой.

Следующие полчаса прошли неприятно. Джоанна шептала что-то, железной хваткой держа ребенка за голову, тот кричал и вырывался, потом обмяк и лег на пол, тупо глядя перед собой. Джоанна встала и брезгливо вытерла руки о подол. Детей она терпеть не может, даже их запах вызывает у нее тошноту.

– Вот пара советов, – тихо сказала она, подойдя ко мне. – Держи его подальше от людей. Сделай вид, что вы жили тут всегда. Не употребляй при нем слова, которые могут вызвать воспоминания, вроде «дворец», «король» или «игрушка». Пусть его жизнь как можно сильнее отличается от прежней. И придумай ему какое-нибудь новое имя, чтобы старое не всколыхнуло память.

Джоанна исчезла, а я наконец подошел к мальчику. Он лежал и шурился, будто пытался что-то вспомнить. Слезы сползали ему в уши, и я сел рядом.

– Привет, Генри, – сказал я. – Я твой отец. Все хорошо.

Он долго смотрел на меня – заклятие Джоанны было сильно, но он даже сейчас боролся, – а потом кивнул и обнял меня. А я должен был оттолкнуть его, но вместо этого обнял в ответ.

Первые недели он всхлипывал и ворочался во сне, а потом забыл окончательно. Его блеклый взгляд скоро прояснился, но никогда не стал таким же живым, как в тот долгий день, когда он грозился вызвать меня на бой и отхватить мне голову мечом, – какая-то часть его личности была потеряна, но тот, кто не знал его раньше, этого и не заметил бы.

Я должен был притворяться его отцом, притворяться, что учу его чему-то полезному, но случилось кое-что непредвиденное. Мне захотелось, чтобы этот ребенок полюбил меня, и вместо подделки я сделал все по-настоящему.

Роберт Олден умер в тот день, и родился мой сын Генри. Как я уже говорил, любовь все усложняет – за три века я об этом подзабыл, и она застала меня врасплох. Как ни глупо это звучит, десять лет я был совершенно счастлив, пока на охоте мы с Генри однажды не увидели следы Барса. Все, что произошло дальше, вы знаете не хуже меня, и вот теперь, месяц спустя после того снежного дня, я стою на пороге новой жизни.

Я понял это, когда услышал за спиной мягкие шаги звериных лап.

– Ты хотел поговорить? – произнес низкий голос, от которого меня пробрала дрожь.

Я медленно развернулся. Тот, кто за триста лет ни разу не удостоил меня появлением, смотрел так, будто знает мою жадную и запутанную душу лучше всех, но все равно не злитя. Уж конечно, ему было известно, что я держу в руках, и я опасался, что он попытается убить меня или уничтожить предмет, который сулил ему такие неприятности. Но он просто ждал продолжения, и это убедило меня в том, что я прав: он не меньше меня заинтересован в том, что я предложу.

– Буду краток, – беззаботно начал я. – Предел существует, верно?

Я ждал если уж не смерти на месте, то хоть какого-то возмущения тем, что величайшая тайна королевства выплыла наружу, но Барс спокойно сел, обернув лапы хвостом. Я заговорил громче.

– Конечно, я попытаюсь сделать то, что тут сказано, а ты – помешать мне. – Я приподнял хрупкий от времени лист: несколько столбцов записей мелким витиеватым почерком. – Впрочем, я кое-что понял. Если бы ты сам мог туда добраться, ты бы давно это сделал. Но, кажется, в твоём королевстве лишь одно тебе не по силам: выйти за Предел. Само королевство защищает то, что там хранится. Готов поспорить, ты пытался попасть туда – кто от такого откажется? Может, даже помощью людей пользовался, но ничего у всех твоих избранных и героев не вышло. А вот у Генри всегда все получается.

Барс следил за мной взглядом, лениво похлопывая по земле кончиком хвоста, и я внешне понял: ему нравится этот разговор.

– Ты уже не так силен, как раньше, да? – насмешливо спросил я. – Не знаю уж почему, но ты ничего не можешь со мной сделать. Не можешь убить меня. У тебя были сотни лет, чтобы попытаться.

Барс не ответил, и я засмеялся.

– Я давно понял: не такой уж ты добряк. Ты вручил Генри дар, который сводит его с ума. Не помог ему, когда я его украл, а за этот месяц так и не сказал ему, кто он на самом деле. Тебе ведь просто нравится смотреть, кто выплывет, а кто утонет. Мне ли не знать, как скучно бывает, когда живешь так долго! Для тебя все это просто игра. Как шахматы. – Он ничего не сказал, но я и так знал, что прав, и шагнул ближе. Пора было сделать свой ход. – Вот поэтому я тебе и предлагаю кое-что интересное: давай сыграем партию. По легенде, ты белый король, я – черный, но на самом деле разница между нами не так уж велика, правда? Нам обоим нужно то, что скрывает Предел, и Генри наверняка сможет нам помочь. – Я приподнял записку, которую держал в руках. – Пусть и дальше думает, что он белый ферзь, который защищает тебя и борется со мной. Тот из нас, кто выйдет за Предел первым, выигрывает партию и забирает то, что там хранится. Мы просто подтолкнем Генри в нужном направлении, а дальше он все сделает сам. Ну как, по рукам?

Барс неспешно кивнул. Он по-прежнему смотрел на меня этим невыносимым взглядом, полным любви, и я зло подумал: старый лицемер, он даже сейчас не может оставить свои штучки, даже сейчас продолжает прикидываться добрым. Он встал, по-кошачьи потянулся и уже собирался уйти, но я остановил его.

– Тут сказано, что самый главный секрет королевства – это то, кто ты такой на самом деле, без этого звериного маскарада. Предел хранит ответ и на этот вопрос тоже. Когда мы встретимся в конце партии, ты примешь свою настоящую форму, верно?

Я думал, мое любопытство его разозлит, но он дернул ушами и улыбнулся. На звериной морде улыбка смотрелась очень странно.

– Боюсь, мой истинный облик неприятно тебя поразит. Я бы на твоём месте не торопился его увидеть.

Пасть его не двигалась – голос, совершенно человеческий, исходил из глубины его мохнатого тела.

– Я не из пугливых, будь ты хоть монстр с пятью головами. – Мне не хотелось, чтобы он уходил, и я задал еще один вопрос: – Что в Генри такого особенного? Он смог найти Сердце, корону, убить лютую тварь, а теперь, может быть, и Предел найдет. Даром огня он не пользуется, а про то, что он принц, даже не знает. Как он вечно ухитряется выигрывать?

– Странно, что ты еще не понял, – махнул хвостом Барс. – Это совершенно очевидно.

И с этими словами он, конечно, исчез: старик не меньше меня любил эффектно являться и уходить.

Я обернулся. Хью был едва ли не в обмороке, даже Джоанна притихла. Они оба все утро уверяли меня, что Барс на мой зов не явится, а если и придет – немедленно поразит нас всех молнией.

– Думаю, можно приступать. У нас ровно половина шансов на успех в игре против Барса – неплохо, да? – весело сказал я. – Не трясись, Хьюго. Когда все закончится, получишь такие богатства и славу, что все от зависти загнутся. Ты же этого достоин.

Он выдавил улыбку – как же легко порадовать дурачка.

– Пообещай мне кое-что, – сказала Джоанна, тяжелым взглядом уставившись на меня. – Когда Генри больше не будет нужен, когда ты получишь то, что хочешь, избавься уже от него наконец. Барс тебе не помешает – сам видишь, вечно он его выручать не собирается.

Ее слова внезапно привели в чувство бледного Хью – он выпустил ножку стола, за которой пытался спрятаться последние полчаса, и встал.

– Я могу его убить, – встрял он, и я впервые понял, насколько сильно он ненавидит своего бывшего соратника по походу за Сердцем. – Дадите мне тот волшебный меч? Я могу. Я найду способ.

Будь у Хью хоть капля наблюдательности, он давно бы уже понял, что я никому не позволю тронуть своего сына: убить его могу только я, единственный достойный противник. Кстати, одно из прекрасных свойств Генри в том, что он учится у каждого, кого встречает, а вот Хью из тех, кого жизнь вообще ничему не учит.

– Ведь если он белый ферзь, тогда я, наверное, черный, – пролепетал Хью, увидев мое лицо.

Я с трудом подавил желание закатить глаза и похлопал его по плечу.

– Думаю, так и есть, Хьюго. Но с Генри я разберусь сам. Ты права, Джо. Хватит держаться за прошлое.

Но о главном я промолчал. После истории с чудовищем я уже не верю, что заклятие забвения, когда-то созданное Джоанной, долго продержится. Упрямства у Генри на десятерых, и что-то внутри его помнит правду: я же видел, как он смотрит на Эдварда. Смешно было видеть их вместе – такие похожие, одинаковожимают плечами, одинаково смотрят исподлобья, та же привычка тереть рот рукой в задумчивости. Генри умен, скоро догадается – и воз-

ненавидит меня. Так, как раньше, больше не будет, и лучше уж я буду первым, кто уничтожит связь между нами.

– Начнем, пожалуй, – сказал я и повернулся к Джоанне. – Шаг первый: превращение.

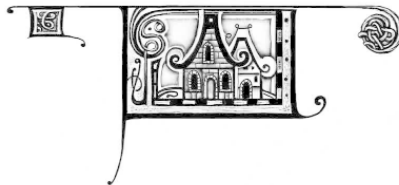
Она прикоснулась к моей щеке, и я почувствовал, как мое тело меняется. Джо неоднократно меняла мой облик, помогая нам добиться своего, но никогда еще перемена не ощущалась так странно, как сейчас.

Увидев мое новое обличье, Хью невнятно вскрикнул.

Меня зовут Освальд Олден, и я злой король из прошлого, чьим именем пугают детей. Впрочем, скоро это закончится, и настанет время новых легенд, – ведь на этот раз мне будет сопутствовать удача. Откуда я знаю? Мне сказал об этом дар предвидения, который вернулся ко мне, когда Генри нашел Сердце волшебства.

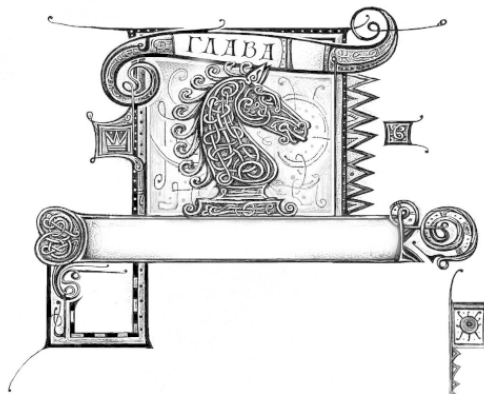
Но все же перед вами – не моя история. Она снова о том, кого я всегда буду считать своим сыном, – принце и разрушителе, способном на невозможное. О странном мальчике, который вечно выигрывает.

Это – история того, как он проиграл.



## Глава 1

### Роберт Олден



Чтобы понять, чем воины и охотники отличаются от прочих людей, попробуйте бросить в них чем-нибудь, когда они спят. Многие из нас, если сон будет грубо прерван, всего лишь заворочаются и оглянутся в поисках своих невежливых родичей. Далее могут последовать слова вроде: «Милая, я уже встаю» или «Сынок, нехорошо будить людей ударом подушкой». Но люди, которые привыкли, что опасность рядом с ними каждую минуту каждого дня, скорее всего, проснутся мгновенно и полностью, схватят ближайший тяжелый предмет, а уж потом будут разбираться, кто и зачем их ударил.

В то утро Генри понял, что перестал быть охотником. Сквозь сон он чувствовал, как что-то похожее на камешки бьет его то по руке, то по боку, один раз угодив даже в лоб, но заставить себя проснуться не мог. Если бы напасть хотели всерьез, ему уже пришел бы конец, он понимал это даже во сне, но все равно только жмурился и отворачивался. Ему снился мучительно прекрасный сон, что-то невесомое и ускользающее, почти бессмысленное, о чем и не вспомнишь, проснувшись, но дело было и не в событиях, а в чувстве покоя и счастья: словно ты попал домой и никогда больше не придется оттуда уходить. Генри свернулся, как еж, пытаясь удержать это восхитительное чувство, но тут что-то ударило его по носу с такой силой, что пришлось-таки открыть глаза.

Он потянулся, шурясь от солнца. Земля, на которой он лежал, была такой влажной и холодной, что непонятно было, как он вообще ухитрился на ней заснуть. Генри бессмысленно посмотрел на серебристую деревяшку, которую прижимал к животу, будто охранял от кого-то даже ночью, – и резко сел. Он все вспомнил.

Этот игрушечный меч он стащил у Эдварда много лет назад, – просто завидовал, что дед подарил ему такую шикарную штуку, и хотел немного поиграть тайком. Было майское утро, он бегал по саду и храбро рубился с одуванчиками, а потом Эдвард сердито позвал его – вот только имя у Генри тогда было другим.

– Роберт Олден, – одними губами проговорил Генри, глядя на яркое утреннее небо.

Пропажу меча обнаружили, и Роберт испугался. В обычный день Эдвард просто нашел бы его, отнял меч и обиженно замолчал на полдня, этим бы все и кончилось. Но тут произошло такое, что Роберт задохнулся от страха, который был куда хуже, чем страх наказания за взятую без спроса вещь. Ладони вдруг стали невысказанно горячими, а по рукоятке меча расплзлась черная подпалина. Он выронил меч и начал хватать пучки травы. Они сгорали с каждой секун-

дой все более неохотно, но Роберт все уже понял, – так легко, словно в этом не было ничего удивительного. Он – разрушитель, как в сказках, и теперь его перестанут любить.

В следующие десять лет он пережил столько опасностей, что на три жизни бы хватило, но никогда не чувствовал такого смертельного, сокрушительного ужаса, как в те несколько минут. Если бы можно было остаться без ног, а в обмен лишиться дара, он согласился бы не задумываясь. Безногих тоже, наверное, любят, но чудовищу, способному убить прикосновением, в их семье не место. Мама говорит, что ее дети – самые добрые и славные в королевстве, отец – что их обоих ждет великое будущее, а Эдвард мечтает стать героем, как великий Сивард, и расправляться со злодеями одной левой.

Когда человек в черном украл его, Роберт заплакал не от страха – от облегчения. Эдвард с родителями его, конечно, спасут – и будут так рады, что, может быть, не разлюбят, когда узнают, во что он превратился.

Если бы это была сказка, все бы так и произошло, но даже в королевстве, полном волшебства, не всегда можно рассчитывать на счастливый конец. Генри крепче прижал к себе меч, но тут от размышлений его оторвал очередной кусок гальки, треснувший его по руке.

Генри огляделся. Рядом никого не было, и он пошел туда, откуда прилетел камешек. Кости ломило так, будто за ночь десять лет тренировок выносливости исчезли без следа и он превратился в избалованного ребенка, не привыкшего спать на голой земле.

Крепостная стена, отделявшая дворцовый сад от городской площади, была довольно далеко, но все же новые камни летели именно оттуда, и Генри удивленно замедлил шаг, сообразив, кто именно их швыряет. Вся верхняя часть стены была занята скриплерами, от которых Генри уж точно не ждал такой меткости и силы удара.

Видимо, спуститься в сад они не могли, – Генри когда-то слышал, что дворец защищен от проникновения волшебных существ, – и он поднялся на ближайшую башенку в крепостной стене. Несколько скриплеров тут же перебрались ближе к нему, остальные привстали на корнях, выглядывая из-за товарищей. Генри никогда еще не видел скриплеров такими взбудораженными – они ерзали на месте и шевелили ветками, на которых то и дело с тихим звуком лопались почки.

Здесь, на башне, солнце казалось еще ярче, оно заливало всю округу ослепительной золотой волной, и Генри на минуту забыл о скриплерах, глядя со стены вниз, на площадь и нагромождение крыш за ней, на прозрачно-синее озеро и дальние горы. Десять лет назад этот вид был мрачнее некуда – грязные дома, мертвое озеро, – но сейчас все будто проснулось, пару десятков зданий уже покрасили в разные цвета, откуда-то плыл запах сдобы, – кажется, город обрел даровитого пекаря.

– Твой город, – сказал Пал, король скриплеров, и его подданные издали нестройный восхищенный писк.

На этот раз корона Пала была сделана из тонких ивовых прутьев с бледными листьями. Генри растерянно улыбнулся, и Пал вплотную подошел к нему, оставляя на парاپете башни комья земли со своих корней. А потом сделал Генри знак наклониться, снял свой ивовый венок и нахлобучил на него.

– Добро пожаловать домой, принц Роберт, – сказал он.

– Вы с самого начала знали, – пробормотал Генри, но Пал качнул головой.

– Нет, Генри. Ты не против, если я продолжу называть тебя, как раньше? Сильное имя, тебе идет. Так вот: чтобы тебя нашли, сначала нужно самому себя найти. Ты сделал это, и мы услышали. Волшебные существа получают новости не так, как вы, люди. Королевство пронизано золотыми нитями человеческих привязанностей, и мы чувствуем, если они сильно вздрагивают. Тебя с семьей связывают нити настолько крепкие, что, когда ты десять лет спустя

ухватился за них снова, целое королевство услышало. Существа всех мастей передают тебе поздравления – нас прислали, потому что мы общаемся с людьми больше других.

Со всех сторон в Генри полетело что-то древесное – цветы, листья и обломки веток. Все это скрипелеры отрывали от своих голов, из чего Генри сделал вывод, что это самая торжественная церемония поздравления.

– И как я сам не догадался! – бодро продолжил Пал, когда Генри раскланялся во все стороны, прижав руку к груди. Он помнил, что благодарить надо именно так, – теперь забытые знания приходили к нему легко, будто никуда и не уходили. – Воистину мудрость и воображение Барса безграничны!

Генри ожидал услышать что-нибудь вроде «нам так жаль, что тебя украли», но одобрительный тон Пала жалости явно не подразумевал.

– Барс все знал и ничего не сделал? – не поверил Генри. – Да что ж он за волшебник такой!

Скрипелеры прыснули, перешептываясь. До этой минуты Генри был уверен, что выражения «деревянное хихиканье» не существует, но сейчас именно такие звуки он и слышал.

– Генри, что во фразе «Барс создал это королевство» тебе непонятно? – мягко спросил Пал. – Думаешь, хозяин всего волшебства не знает, что происходит у него под носом? Но он вмешивается, только когда это необходимо. Помнишь, ты спросил меня, что такое Предел? Барс явился твоему брату во сне и велел защитить Предел – значит, это действительно важно, так что, позволь напомнить, именно этим тебе и стоит заняться. – Пал вдруг подался к Генри и всем своим деревянным телом прислонился к его боку. До этого Генри думал, что скрипелер должен быть холодным, как полено, но даже сквозь куртку почувствовал тепло его коры. – Мы очень рады за тебя, дружок. Не сердись на Барса – он сделал великолепный ход, не вмешавшись десять лет назад, разве ты не видишь?

Он как будто восхищался искусным игроком в шахматы, и Генри это рассердило, но в такое поразительное утро он даже разозлиться в полную силу не мог.

– И что мне теперь делать? – спросил он, шурясь от солнца.

– Свой ход, конечно, – деловито ответил Пал и отстранился, на прощание ткнув Генри острой веткой в бок. – Не дай Освальду найти Предел первому – он тоже хороший игрок, так что постарайся не опоздать.

Генри застонал, влез на парапет и уселся, свесив ноги вниз, – няня ему в детстве за такое вечно грозила дать шлепка, будь он хоть десять раз принц.

– Что, даже недельку не дадите? Я думал, что хоть немного побуду со своими. Мы все обсудим, а еще надо выяснить, куда сбежала мама и где ее искать.

– Такая у тебя работа, Генри. Быть избранным только в сказках легко.

Генри вдруг понял, что еще было невероятным в этом дне – огонь молчал как убитый. Полностью он проснулся, когда Генри уже был у Освальда, и не знал ничего о том, что было раньше. Теперь огонь был озадачен новостями настолько, что сжался, как змея в норе, обдумывая, как действовать дальше, – и дышать в его отсутствие было легко как никогда. До этого Генри даже не представлял, как приятно чувствовать себя собой.

– Чтобы открыть этот Предел, чем бы он ни был, Освальду понадобится ключ от всех дверей и его хранитель, – сказал Генри, с трудом заставляя себя сосредоточиться. – Подскажите мне, где искать Джетта?

Скрипелеры начали переглядываться.

– Этот вопрос несколько сложнее, чем кажется, – наконец ответил Пал медленно, будто прислушивался к чему-то далекому. – Но я чувствую, что Барс не будет против, если мы дадим тебе первую подсказку. А вторую даст он сам.

– Я имел в виду «скажите мне название деревни». Что тут сложного?

– Ты и сам потом поймешь. А пока слушай:

*Путь дарителей с рассветом  
Стал запутанным и сложным,  
Но не нужно быть поэтом,  
Чтоб мечтать о невозможном.*

– Это вы сейчас придумали?

– Да, вместе. У нас одно сознание на всех, нам легко даются стихи.

Генри покачал головой, не веря своим ушам.

– Для вас с Барсом это все просто игра, верно?

Морщинистое лицо Пала просветлело.

– Именно, Генри. Ты начинаешь понимать. Все это – просто игра. До встречи, дружок.

Смешно переваливаясь, он дошел до края парапета и снова повернулся к Генри с таким видом, будто уговаривал себя не говорить то, что очень хотелось сказать.

– Ты полон любви, Генри, – наконец сказал Пал, глядя на него так, будто это не пустая похвала, а важный, тщательно хранимый секрет. – Не потеряй ее. Это твой самый ценный дар. Не огонь – он просто инструмент, помощник. Любовь спасает тебя и всех вокруг тебя. Если ты ее потеряешь, это будет конец.

– Ничего себе помощник, – пробормотал Генри.

Пал добродушно покачал головой, будто дивился его тупости, и соскочил со стены вниз. Остальные прыгнули следом, и на площади раздался вопль торговцев, не привыкших к тому, что сверху падают десятки скриплеров. Генри болтал ногами, с улыбкой глядя, как они приземляются на брусчатку и деловито разбегаются по своим делам. А потом спустился по лестнице в сад, прыгая сразу через две скользкие ступени, и помчался в сторону дворца, едва заставляя себя не размахивать на ходу игрушечным мечом.

На высоте третьего этажа одну из башен окружал широкий балкон, который до нынешнего утра выглядел совершенно заброшенным. Сейчас оттуда доносился смех, разговоры и уютное шуршание метлы, – слуги приводили балкон в порядок, мыли парапет, с грохотом таскали мебель. Увидев, как Генри поднимается по белой лестнице, они приветственно замахали руками и начали тыкать в яркие пятна на своей темной одежде – и Генри понял, что со вчерашнего дня изменился не только балкон.

Уилфред, дворцовый управляющий, выделил каждому слуге по одному предмету из гардероба знати. Кому-то достался шарф, кому-то жилетка или пояс, и сейчас слуги надраивали террасу с таким рвением, какого Генри еще ни разу у них не видел. Король мудро поступил, разрешив Уилфреду взять из дворцовых запасов эти цветные тряпки: кажется, для людей, привыкших видеть на себе только черное и серое, эти подарки много значили. Генри на пробу мысленно назвал короля «отец», но почувствовал от этого не радость, а грусть и смутную вину. Только сейчас, порывшись в воспоминаниях, он понял, как же король постарел за эти десять лет. Он был не старше теперешнего Олдуса Прайда, когда пропал Роберт, а теперь... Генри махнул слугам в ответ, снял ивовый венок и повесил его на ближайшую ветку. Хорошее настроение исчезло без следа, но он точно знал, кого надо найти, чтобы оно вернулось. Увидев потерянный меч, Эдвард сразу все поймет – и это будет момент, когда все сломанное срастется.

Генри перешагнул порог и сосредоточился на ощущении верного пути, которое во дворце охватывает тебя всякий раз, когда ты точно знаешь, кого ищешь, но тут за ближайшим поворотом коридора кто-то едва не сбил его с ног.

– Прошу прощения, – уронила Роза, прижимая к лицу веер, и обошла Генри, чтобы продолжить путь, но тот взял ее за локоть.

– Я не хотел, чтобы мы ссорились, – честно сказал он, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Просто я не знаю ответ на твой вопрос, не знаю, люблю я тебя или нет. Но скоро я во всем разберусь. Тут кое-что произошло, и теперь все изменится. Все будет в порядке.

Локоть у нее был такой костлявый, что пальцы Генри обхватывали его полностью. Это ощущение так его захватило, что он вздрогнул, когда Роза все-таки ответила.

– Ты прав, теперь все изменится. Я слышала, король решил... Вчера он велел нам всем надеть к завтраку самые красивые наряды.

– И что? – нахмурился Генри.

Роза вдруг еле слышно, коротко рассмеялась, и ничего веселого в этом смехе не было. А потом огляделась, убедилась, что вокруг никого нет, и взяла за локоть его самого.

– Мы с тобой два раза целовались, – выдавила она, преодолевая какой-то мучительный стыд, хотя у Генри воспоминания о тех моментах были просто отличные. – Скажи мне прямо сейчас: ты хотел бы на мне жениться?

Генри порывлся в памяти, но точного определения этого слова не нашел, – очевидно, в шесть лет оно его не интересовало, а в последний месяц ни разу не попало.

– Уточни, что это значит.

На щеках у нее проступил румянец – едва заметный, словно ее бледное и худое тело неспособно было вложить в него больше краски.

– Это значит, что я стану твоей собственностью. И мы заведем детей, – пробормотала она с непонятной злостью, будто сердилась на него за этот вопрос.

– Собственность – это вроде слуги? – Генри наморщил лоб, пытаясь выудить из памяти что-нибудь более определенное. – Не нужна мне никакая собственность. А насчет детей – не получится, мы не можем размножаться. Коснись моего лица.

Она упрямо сжала губы, и тогда Генри сам взял ее руку и приложил к своей щеке. Роза вскрикнула и отпрянула, прижав покрасневшие от ожога пальцы к своему рту.

– Вот поэтому никакого размножения не выйдет, – сердито сказал он. Прикосновение было приятным, и как бы он хотел, чтобы оно длилось дольше. – Забудь, ясно?

Роза шагнула назад, не отнимая руку от губ. Генри собирался сказать что-нибудь успокаивающее, но, пока он размышлял, что бы это могло быть, Роза уже отвернулась и пошла прочь. Ее сгорбленная спина с каждым шагом расправлялась, становилась прямой и неподвижной, как доска, и Генри кольнуло неожиданное воспоминание. Козочка-Розочка. Вот как они с Эдвардом называли ее в детстве. Больше всего она любила играть в свадьбы – у нее был добрый десяток кукольных парочек, и она бесконечно меняла свое мнение о том, кто с кем будет счастлив до гробовой доски. Генри с болезненной ясностью увидел, как она сидит в гостиной и подбирает кукле очередной свадебный наряд. Русые волосы падают ей на лицо, а значит...

– Твои волосы! Цвет, он не настоящий! – выпалил Генри, и Роза остановилась. – На самом деле они темнее. Ты их красишь настоем ромашки, да?

Он был так взбудоражен тем, что вспомнил, какой она была, что даже не понял, отчего она развернулась к нему с таким гневом.

– Ты плохой человек, – тихо сказала она и ушла.

Кажется, она хотела употребить слово куда крепче, и остановило ее только воспитание. Генри выдохнул сквозь сжатые зубы, уже не пытаясь понять, что с его словами не так. Если бы только он мог вернуть прошлое и всех такими, какими они были, – отца, Розу, Эдварда, себя самого! И он торопливо пошел дальше – искать того, кто поможет ему все исправить.

Дверь в библиотеку была приоткрыта, из-за нее раздавался деловитый бумажный шелест. Эдвард сидел за одним из столов, листая огромную книгу, еще несколько томов лежали рядом. При виде Генри он поднял голову и дружелюбно кивнул.

– Доброе утро. Вот, решил поискать что-нибудь о Пределе и ключе от всех...

Не слушая, Генри шагнул к столу и положил на раскрытую книгу игрушечный меч. Эдвард поперхнулся, и Генри сглотнул, пытаясь унять бешено колотящееся сердце. Вот он, тот самый момент.

– Ты все-таки нашел его. Поразительно, – выдохнул Эдвард. – Ты и правда избранный. Только зачем... зачем ты искал без перчаток? – Он тронул подпалину и торопливо прибавил: – Но это неважно, ничего страшного. Где он был?

Генри растерянно заморгал. Ему хотелось схватить Эдварда за уши и трясти его гениальную голову до тех пор, пока что-нибудь там не встанет на место и до него не дойдет, почему Генри смог найти меч.

– Он был зарыт под кленом, около конюшни, где ручей, – с нажимом сказал Генри. – Вы там часто играли.

– Тебе Карл сказал? – рассеянно спросил Эдвард. – Спасибо, Генри. Я действительно тебе благодарен.

Генри опустил на стул напротив него. Эдвард был так занят разглядыванием меча, что на него самого даже не взглянул.

– Каким он был? Твой брат? – пробормотал Генри.

Эдварду, кажется, не очень хотелось отвечать, но из благодарности он себя заставил.

– Веселым. Много смеялся, любил играть. Это уже неважно, верно?

На меч Эдвард смотрел так, что сразу было ясно: раньше он думал, что, если найдет его, ему станет легче, будто это как-то вернет прошлое, но, кажется, не сработало. И Генри молча наблюдал, как Эдвард хмурится, поглощенный ощущением того, что ничего в его жизни не изменилось.

– Ладно, давай к делу. – Эдвард с видимым усилием убрал меч с книги. – Мы понятия не имеем, что это за Предел и почему он интересует Освальда. Слово «предел» обычно значит «граница», но в старинных книгах иногда обозначает просто место или область. Я не встречал историй о каком-то особенном Пределе, но должно же быть хоть какое-то упоминание, верно?

– Верно, – отсутствующе пробормотал Генри.

Нужно было просто открыть рот и сказать правду, но он был так выбит из колеи, что не знал, с чего начать. Встреча с Розой лишней раз доказала ему то, что он и так знал: никто не сравнится с ним в умении говорить то, что не нужно, неподходящими словами и в самый неудачный момент.

– Я все утро ищу упоминания о ключе, и с твоей помощью дело наверняка пойдет лучше. Вдруг ты просто возьмешь с полки книгу, и она окажется та самая? Ты настоящий мастер поиска, Генри. Я серьезно. – Эдвард еще раз взглянул на меч и чуть поклонился, прижав к груди руку. Генри едва сдержался, чтобы не предложить ему затолкать свою вежливость обратно себе в глотку. – Расскажу тебе немного о нашей системе расстановки книг. В шкафах вдоль окон – сочинения на разные практические темы вроде «Как поразить всех хорошими манерами» или «Две сотни способов развести костер». Вот тут, справа, – философские труды и всякие измышления на тему того, какова истинная форма Барса. Это самый бесполезный шкаф: просто куча причудливых выдумок. А вон там кое-что поинтереснее: исторические труды и сказки. У нас в королевстве одно от другого не отличишь, так что они стоят вперемешку.

Генри мрачно пошел к первому попавшемуся шкафу, вытащил самую толстую книгу, которая щедро обсыпала его пылью, и уставился в нее. Он был слишком переполнен своей собственной историей, чтобы разбирать замысловатый старинный почерк. Нужно потренироваться, выбрать подходящий момент и сказать все как есть. Например, за завтраком, чтобы отец тоже услышал. Минут пять Генри пытался сделать веселое лицо, чтобы всем легче было его узнать, но не смог даже вспомнить, какими мышцами надо для этого двигать. Благодаря Освальду он изменился настолько, что никто за целый месяц не узнал, а значит, он должен сделать все, чтобы измениться снова и стать таким, каким был раньше.

– Эй, – выдохнул Эдвард с таким глубоким чувством, что Генри стрелой выскочил из шкафа в надежде, что Эдвард все же догадался. Но тот, увы, смотрел в книгу. – Я кое-что нашел. Это «История королевства», том первый. Слушай: «Матеуш велел, чтобы Барса почитали во всей нашей земле. Он знал Барса и был ему другом, но, когда народ просил рассказать о великом волшебнике, король отвечал: «Тайна предела, откуда явился Барс, надежно заперта от посторонних глаз, и так пребудет вовеки». – Эдвард стукнул ладонью по книге и откинулся на спинку стула. – С ума сойти! Что, если Предел, который мы ищем, это место, откуда пришел Барс? Мы же тогда узнаем то, над чем себе все философы головы ломали! И гляди, какое странное выражение, – «тайна заперта». Это место закрыто на ключ от всех дверей!

Генри потер губы. Если уж в пещере чудовища, битком набитой золотом и драгоценностями, Освальд позабыл обо всем, едва увидев лист бумаги, где говорилось о Пределе, значит, это место сулило ему огромную выгоду.

– Ради ответа на вопрос, кто такой Барс, Освальд бы туда не рвался, – пробормотал Генри. – В пещере Зверя он сказал: «Это место дает такую власть, о какой я даже мечтать не мог». Наверное, там хранится какой-то могущественный предмет, что-то посерьезнее Сердца волшебства. И мы должны не дать ему прибрать к рукам такое добро. Кстати, а кто такой этот Матеуш?

– Первый король волшебного королевства. Его еще называют «Матеуш Даритель». Статуя на скале за дворцом, в руках которой теперь хранится Сердце волшебства, – это как раз он. Матеуш был величайшим королем, добрым и справедливым, и все его потомки – мои предки – старались быть похожими на него. Ему Барс подарил Сердце, при нем сделали корону и построили дворец.

Эдвард торопливо встал и бросился к одному из шкафов. Он так спешил, что ухитрился зацепиться ногой за стул и рухнуть на пол. Генри покачал головой: упав парой сантиметров левее, Эдвард врезался бы виском в угол соседнего шкафа. Как же повезло, что лютая тварь объявилась в королевстве, когда Генри был во дворце: в одиночку Эдвард уж точно не доехал бы до места назначения. Тот уже вскочил, чтобы продолжить путь к выбранному шкафу, но Генри положил руку ему на плечо, останавливая.

– У нас есть еще одна проблема. Ключом от всех дверей может воспользоваться только его хранитель, которого Освальд рано или поздно попытается отыскать.

– Ты говорил, что нашел ключ, значит, ты и есть хранитель, верно?

– Ключ мне оставил Сивард. И написал, что сила ключа едва не заставила его сделать что-то ужасное, открыть какую-то дверь, которую нельзя открывать ни в коем случае и которая сама жаждет быть открытой. Что, если это та самая дверь, которую теперь пытается открыть Освальд? Ладно, главное – не это. Он велел мне не брать ключ самому, а выбрать хранителем кого-то, кому я доверяю.

– Умоляю, скажи, что ты выбрал на эту важнейшую должность не того, о ком я подумал.

– Джетт теперь в опасности. Мы должны его защитить.

Эдвард застонал:

– Этому жалкому типу обязательно снова появляться в этой истории?

– Нужно найти его до того, как это сделает Освальд, иначе тот заставит Джетта использовать ключ. У меня есть подсказка, где сейчас Джетт, – получил сегодня утром от скриплеров.

– А больше ты к семи утра ничего не успел? – пробормотал Эдвард.

Генри рассмеялся:

– Не поверишь, если скажу. Ладно, слушай загадку: «Путь дарителей с рассветом стал запутанным и сложным. Но не нужно...»

Эдвард записал четверостишие на листе бумаги и погрузился в размышления, а Генри смотрел на его склоненную голову и думал вовсе не о Пределе. А что, если Эдвард вообще не поверит, что Роберт выжил?

Издали донесся звякающий звук, и Эдвард разочарованно хмыкнул.

– Полчаса до завтрака. Идем, надо подготовиться. Уилфред к тебе с утра заглядывал? Он велел всем приодеться и взять куртки. Отец решил устроить завтрак на террасе, как в старые, добрые времена, что, конечно, глуповато в конце зимы, но я все равно рад, что он так взбодрился. Эй, Генри, ты в порядке? Ты сегодня какой-то... другой.

– Ты иди, я скоро. Хотел тут еще кое-что посмотреть.

– Только не опаздывай. Про Матеуша больше всего книг вот в этом шкафу. И если будет что-то интересное, скажи мне за завтраком.

– Жди отличных новостей, – притворно бодрим голосом сказал Генри.

Эдвард ушел, бережно забрав со стола меч. Генри постоял около шкафа имени Матеуша, а потом кинулся туда, где, по словам Эдварда, стояли «руководства на практические темы». Он лихорадочно начал перебирать их, подтянув к шкафу стремянку, и в конце концов нашел то, что искал: «Хорошие манеры для юных мастеров».

Роберт был принцем, его учили всем этим правилам, а Генри помнил только смутные обрывки вроде благодарственных поклонов. Он уселся на стремянку и погрузился в чтение. Предел не убежит. Для начала нужно попытаться стать тем, кем вырос бы Роберт, если бы с ним ничего не случилось.

«...Важнейшим искусством в обращении с людьми является дипломатия. Думайте трижды, прежде чем заговорить. Истинно воспитанный юноша никогда не откроет рот, если не уверен, что его слова будут взвешенными, вежливыми и не обидными ни для кого из присутствующих». Генри со вздохом закрыл книгу. Он надеялся на советы попроще, а всему, что описано в этой занудной книге, быстро не научишься. Колокол звонил и звонил, он не мог сосредоточиться, пора было, в самом деле, идти переодеваться, – после ночи на мокрой земле он уж точно не выглядел как принц.

Генри спрыгнул со стремянки и побежал к себе в комнату. Карла не было, но, видимо, с утра он все же заходил – в ванной стояли два ведра остывшей, чуть теплой воды. Генри быстро вымылся, надел парадный костюм, подаренный Уилфредом, и схватился обеими руками за раму зеркала.

– Я – Роберт Олден, принц волшебного королевства, сын короля Лоуренса и королевы Тильды, и я жив, – без голоса проговорил он и, выпустив зеркало, помчался на террасу. Он помнил дорогу и без подсказок дворца. Он помнил.

Двери стояли нараспашку, никакой охраны на этот раз не было, – король, видимо, рассудил, что не обязательно заставлять слуг сторожить королевский завтрак неизвестно от кого. И едва Генри успел подумать об этом, ему показалось, что кто-то смотрит ему в спину пристальным, недобрим взглядом.

Он развернулся, но все его охотничьи инстинкты от невероятных новостей этой ночи притупились, он обернулся слишком медленно – коридор за спиной был пуст. «Показалось», – подумал Генри, лишь бы скорее отмахнуться от ненужных мыслей. Больше всего ему хотелось перестать быть человеком, которого Освальд растил в лесу, – тот парень был весь сплошное предчувствие беды, а он сам – не такой. Хватит и того, что он десять лет на это потратил, сейчас у него есть дело поважнее. И он шагнул на террасу.

Слуги потрудились на славу – оттерли от грязи белоснежный мрамор парапетов и пола, аккуратно расставили столы. На ножах и вилках сияли солнечные блики, хрустальные масленки дробили свет, ветер раздувал края скатертей. По привычке замечать детали Генри оглядел всех присутствующих и сообразил, что за каждым столом сидит одна-две семьи, более знатные и ярко одетые – ближе к королю. Никто не ест, ожидая от короля сигнала, а торжественный проход девушек на каблуках, видимо, отменили – они уже сидели со своими семьями. Генри заставил себя об этом не думать и сосредоточился на другом: постарался улыбнуться как

можно шире, слегка поклонился всем и направился к королевскому столу, стоящему в центре террасы, с видом «значительным, учтивым и приятным», как советовала книжка о хороших манерах.

За королевским столом поместились не только король и Эдвард, но и Эмма, Уилфред, Агата и Роза. Агата сучающе помахивала веером, явно ожидая, когда завтрак окончится и ей разрешат вернуться к ремонту дворцовых люстр, а Роза, наоборот, прижимала веер к лицу так, будто хотела бы спрятаться за ним навечно.

– Доброе утро. Это место свободно? – спросил Генри, положив руку на спинку пустого кресла между Эдвардом и Эммой.

Губы Эдварда чуть заметно дрогнули, но в улыбку так и не сложились. В присутствии отца все чувства на его лице всегда становились едва различимыми, как рябь на воде в тихий день, словно он не меньше Генри боялся сделать что-нибудь не то.

– Доброе утро, Генри. Прошу, садитесь. – Король улыбнулся ему так, что Генри сразу почувствовал: вот это и есть идеальный момент. – Приятно слышать от вас такую учтивую речь.

Садиться Генри не стал. Он убедился, что все на него смотрят, и громким, разом охрипшим от волнения голосом произнес:

– Мне нужно кое-что вам сказать.

Король перегнулся через Эдварда и похлопал Генри по руке, которой тот судорожно вцепился в край стола.

– Генри, друг мой, я понимаю. Что-то насчет Освальда или этого Предела, про который Эдвард твердит со вчерашнего дня. Давайте после завтрака, хорошо? Пусть все сначала поедят и наслаждаются прекрасным видом. К тому же и у меня есть новость, и я хотел бы, чтобы ей уделили немного внимания.

Генри уже открыл рот, чтобы выпалить: «Папа, новость, что я не умер, точно важнее», но король смотрел на него с таким вежливым нетерпением, ожидая, пока он сядет, что язык намертво прилип к небу. Генри опустил на стул, и король тут же сделал стоящим вдоль стены слугам знак, что можно раскладывать еду по тарелкам. Момент определенно перестал быть идеальным.

Он без аппетита гонял по тарелке куски яичной запеканки, перебирая в памяти названия блюд на столе, которые еще вчера бы даже не вспомнил. Знакомые слова были словно старые друзья. Ветчина, паштет, сыр. Салат, песочные корзиночки с джемом, чай из чабреца. Влажный ветер из сада охлаждал щеки, и Генри с силой вдыхал его, чтобы успокоиться. Ему было холодно – он оказался единственным, кто забыл прийти в верхней одежде, но все, кажется, решили, что явиться в одной рубашке и легком сюртуке – это часть его дикого лесного образа.

– А теперь, господа, минутку внимания, – сказал король, когда все расправились с едой и чинно уткнулись в чашки с чаем. Голос у него был взбудораженный и веселый, и все с любопытством направили уши. – В последнее время многое в нашей жизни изменилось к лучшему, и я решил, что еще немного изменений не повредят. Во-первых, как видите, я решил вернуть традицию завтраков на террасе. Надеюсь, вас это радует. – Судя по красным щекам придворных и тому, как они кутались в свои меховые накидки, радость была так себе, но все усиленно закивали. – Разрешите сообщить вам и кое-что еще. В честь Новой Эпохи Сердца я решил отменить обычай торжественного выхода девушек на каблуках как варварский и ведущий к травмам ног. Я торжественно объявляю во дворце моду на низкий каблук. Кажется, в городе уже появился даровитый сапожник, и мы на днях пригласим его во дворец, пусть делает обновки для наших дам.

Агата громко, с облегчением выдохнула и шлепнула веер на стол, но остальные были скорее в ужасе.

– Но как... как же молодые люди будут выбирать себе невест? На утренних выходах они могли увидеть их скромность и грацию, оценить богатство нарядов и обуви, – пролепетал Уилфред.

– Все очень просто. – Голос у короля подрагивал от гордости. – Я решил, что все юноши уже видели всех невест, осталось только выбрать. Поэтому я призываю молодых людей посоветоваться с семьей и определиться с тем, кто какой юной даме сделает предложение.

Король хлопнул в ладоши – в гробовой тишине звук показался оглушительным, – и из-за двери выскользнул Карл, вечно недовольный старший слуга. На этот раз его недовольство, кажется, относилось к большой корзине первоцветов, которую он прижимал к груди, всячески показывая, как у него устали руки. При виде корзины по рядам придворных пробежал вздох – не то восхищенный, не то испуганный.

– Пусть новые времена начнутся вместе с новыми брачными союзами! – продолжил король. – Во дворце много пустующих покоев, которые мы можем выделить молодым семьям, чтобы они обустроили их по своему вкусу. А теперь я даю вам полчаса, чтобы посоветоваться и принять решения – вы все так хорошо друг друга знаете, что определиться будет нетрудно. Первым выбирать невесту будет мой сын, за ним – остальные.

Генри покосился на Эдварда – судя по голосу короля, этот выбор невесты был чем-то очень приятным, но на лице Эдварда был только страх, который он попытался спрятать, как только отец повернулся к нему.

– Сначала я хотел дать всем подумать до завтра, но потом понял, что тогда все переругаются, начнут заключать пари, давить друг на друга и угрожать конкурентам в борьбе за обладательницу лучшего приданого, – еле слышно сказал король и перевел взгляд на Генри. – Друг мой, ваше простое происхождение неважно – я с удовольствием предложил бы вам брак с любой красавицей на выбор, вы ведь спасли нас всех, но...

– Но у меня дар огня, я не могу прикасаться к людям, а жениться надо, чтобы выводить потомство, верно? Свадьба – это как брачные игры у животных, да?

– В некотором роде, – смущенно промямлил король.

Видимо, обсуждать такие вещи было не принято, но до этой главы в «Хороших манерах» Генри не дошел.

– Отец, я не уверен, что определился с выбором, – пробормотал Эдвард, затравленно глядя в стол. – Надо ведь, ну, влюбиться, а я не уверен, что я уже... Уже это сделал.

– Разрешите дать совет. – Король наклонился к Эдварду, но тренированный слух Генри различал даже то, что сказано шепотом. – Поверь, любовь значения не имеет. Брак должен быть основан на разумном выборе – чувства придут потом, а вначале они только запутывают и толкают на глупые поступки. Выше всего происхождение у Агаты и Розы, выбирать надо из них. Но будущая королева немой быть не может, так что Агата не подходит. Роза – прекрасный выбор. У нее полезный дар выращивать растения, а значит, в народе ее будут обожать. Она храбрая девочка, и если я мог доверить ей ключи от государственной казны, то могу доверить и тебя.

Эдвард покосился на Генри – тот заблаговременно сделал вид, что изучает полет птиц в небе, – и тихо сказал:

– Пап, это будет самая грустная свадьба на свете. Роза влюблена кое в кого. У них ничего не выйдет, но я не хочу быть тем, кто лишит их надежды как-нибудь это утрясти. Можно, я сделаю предложение кому-нибудь другому? Любой девушке на твой выбор, мне все равно.

Король посмотрел на него так, будто Эдвард заговорил на неизвестном ему языке.

– Женщинам влюбляться уж тем более глупо. Подумаешь, слегка увлеклась кем-то из ребят. Вся эта ерунда у нее вылетит из головы, как только она поймет, что станет королевой. Ты ведь хочешь мне угодить? Я буду очень доволен, если ты послушаешься.

Это был запрещенный прием – сразу стало ясно, в чью пользу закончится разговор. Король продолжал говорить, и Генри переключил внимание на другую половину стола.

– Розочка, детка, не глупи, – с жаром шептал Уилфред. – Кто бы ни предложил, соглашайся! А я тут подумал: что, если его величество не зря посадил нас за свой стол? Если он прочит тебя в жены своему сыну, у меня сердце от радости лопнет!

Эмма, как ни странно, тоже уговаривала Розу, а не свою дочь. Агата сидела, мрачно сложив на груди руки, и смотрела в одну точку, будто этот завтрак был воплощением худших ее кошмаров.

– Милочка, ни одна девушка в здравом уме не скажет «нет», когда ей предлагают руку и сердце, – сказала Эмма Розе на ухо. – Выйти замуж – смысл жизни любой женщины. Кстати, не только молодой. – Она со значением посмотрела на Уилфреда. – Мой милый друг, вы об этом не думали? Я вдова, вы вдовец, нам иногда бывает так одиноко. Без ложной скромности, неуместной в нашем возрасте, скажу, что, если мне предложат первоцвет, я не откажусь.

– В самом деле? – растерялся Уилфред и, кажется, пожалел, что у него нет веера, за которым он мог бы скрыться от этого разговора.

– К тому же у вас дочь, ей нужны женские наставления и помощь. Например, сейчас. У нее ведь доброе сердце, – сказала Эмма, опять повернувшись к Розе. – Если принц предложит, а ты откажешься, опозоришь не только себя, но и его. Это значит, что он настолько плох, что ему отказывает женщина. За спиной над ним будут смеяться до самой смерти. Хочешь его так подвести? – Роза коротко покачала головой. – Тогда не будь дурой.

Генри нахмурился. У зверей брачные игры – пусть иногда трудоемкий, но, несомненно, приятный обеим сторонам ритуал, а Роза с Эдвардом смотрели друг на друга через стол беспомощно, как два кролика, на которых несется коршун.

Король толкнул Эдварда локтем, и тот встал. Все головы немедленно повернулись к нему, и шаги гулко разнеслись по террасе, когда он подошел к Карлу, выбрал первоцвет, вернулся назад и молча протянул его Розе. Она выдохнула, будто перед прыжком в холодную воду, и взяла цветок. Уилфред и король засияли, все девушки вокруг издали разочарованный стон, Эдвард сел на место – и в ту же минуту за другими столами началось движение.

Молодые люди под добродушное понукание своих семейств поднимались, доставали из корзины по цветку и торжественно подходили к девушкам за другими столами. Девушки под сопровождение облегченных вздохов и поощрительных слов родичей брали цветок, и обе семьи немедленно срывались с мест, начинали поздравлять друг друга и обсуждать какое-то имущество, которым поделятся друг с другом. Все вокруг выглядели, как и надеялся король, довольными и радостными, кроме девушек, которые по-прежнему молча закрывали лица веерами, так что определить, нравится ли им происходящее, было невозможно. Все это было очень странно – в дикой природе самки выбирают себе партнеров сами, и Генри казалось просто безумием, что здесь их мнением, кажется, никто не интересовался.

– Это же не насовсем? Потом можно будет поменяться? – запоздало спросил Генри у Эдварда, вспомнив, как Роза все время меняла своим куклам пару.

Эдвард покачал головой, не глядя на него, и хотел было что-то сказать, но замолчал, услышав сварливый голос Эммы.

– Вот чего ты добилась, – прошипела дочери Эмма. К Агате так никто и не подошел, да и самой Эмме Уилфред цветок не вручил, шумно суетясь вокруг Розы. – Все тебя боятся – немая, строптивая, год болталась неизвестно где. Что может быть хуже, чем без жениха остаться?

Судя по довольному виду Агаты, это было лучшим, что могло с ней произойти, но тут в разговор вмешался король.

– Не переживай, дитя мое. Сейчас найдем кого-нибудь, – сказал он, из чего Генри сделал вывод, что с пониманием того, кто что чувствует, у отца довольно плохо. – Симон, прошу. Дочь хранителя казны, великолепная партия. Цветы еще есть.

Он жестом подозвал парня, который, кажется, был настолько робким и медлительным, что всех невест разобрали, пока он решал, на какой остановиться. Симон посмотрел на Агату с ужасом. Судя по лицу Агаты, ужас был взаимным.

– Пап, не надо, – еле слышно уронил Эдвард. – Пусть ни за кого не выходит, если не хочет.

– Девушка не может «не хотеть» замуж, – веско сказал король. – За стенами никого достаточно высокогородного мы не найдем, а он сын распорядителя дворцовых развлечений.

Семья уже толкала Симона в сторону Агаты – видимо, их впечатлило, что она сидит за королевским столом. Дородная женщина сунула ему в руку цветок, и Симон мелкими шагами пошел к Агате. Та с мычанием юркнула под стол.

– Папа, я тебя серьезно прошу. Ты же сам сказал, что нам нужны новые традиции, – сказал Эдвард, приподнимая скатерть. Агата вцепилась ему в ногу и тряслась так, что Генри чувствовал это коленом. – Давай введем вот такую: если невеста спряталась от жениха под столом, считать это знаком того, что замуж за этого парня она не хочет.

– Это уж слишком, – сурово покачал головой король и расправил плечи. Он не вовремя решил показать, что правителя надо слушаться. – Агата, вылезай. Симон, иди сюда.

– Может, сделаешь что-нибудь? – пробормотал Эдвард, развернувшись к Генри. – Ей всю жизнь придется с ним провести.

Генри вытаращил глаза. До него только сейчас дошло, что все происходящее – кажется, серьезное дело, а не еще одно дворцовое развлечение, чтобы убить время. Поэтому он поднялся и сделал единственное, что пришло ему в голову: сказал правду, надеясь, что это точно отвлечет всех от Агаты, сжавшейся под столом.

– Роберт не погиб. Освальд украл его и вырастил как своего сына, – выпалил Генри. – Ему нужен был разрушитель, и он забрал ребенка в тот день, когда дар впервые проявился. И дал ему другое имя. Мое.

Он перевел дыхание и в упор посмотрел на Эдварда. Генри был уверен, что тот сразу все сопоставит и поймет, но Эдвард смотрел на него с тем же суеверным ужасом, с каким смотрел в пещере на лютую тварь. Все замерли на месте, Симон спрятался за мать, Агата высунула голову из-под скатерти.

– Это я, отец. Я не умер, – пояснил Генри на случай, если выразился слишком туманно. Король смотрел на него, как на умалишенного, и Генри нахмурился. – Вы мне не верите? Я все помню, отец. Помню, как ты меня щекотал. И что на пятилетие мне подарили игрушечную сову. И что...

– Все это могли рассказать слуги. Генри, я понимаю, что вы хотите защитить Агату, но это немного слишком, – сухо проговорил король.

– Да почему вы не верите? – Генри крикнул это громче, чем собирался. Такой паники он не чувствовал еще никогда. – Потому что я не умею красиво говорить? Я всему научусь.

– Дело не в этом, – через силу проговорил король, комкая край скатерти. – Дело в том, что у моего сына глаза были серые, как у всех в нашей семье. А у вас они карие. Что угодно могло измениться, но не это.

Генри сглотнул. Он явно недооценил хитрость и предусмотрительность Освальда.

– Если Джоанна смогла заставить меня все забыть, она могла изменить мне цвет глаз, – выдавил Генри онемевшими губами.

– Или есть куда более простое объяснение, – устало сказал король и бездумно тронул висок, словно у него заболела голова. – Вы все придумали на ходу. Уверен, вы руководствовались лучшими побуждениями, но...

– Я не придумал, – замотал головой Генри. – Меч, тот самый, я нашел его, потому что вспомнил, где искать. Я помню, как мы...

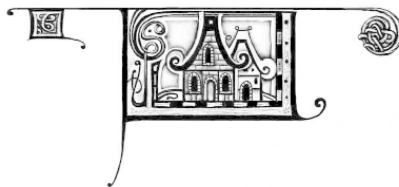
Кресло рядом с ним опрокинулось с таким грохотом, что Генри вздрогнул. Он никогда еще не видел, чтобы Эдвард смотрел на кого-то с таким неподвижным, белым от ярости лицом.

– Заткнись, – выдавил он, еле шевеля губами. – Закрой рот. Я тебя убью, если не заткнешься.

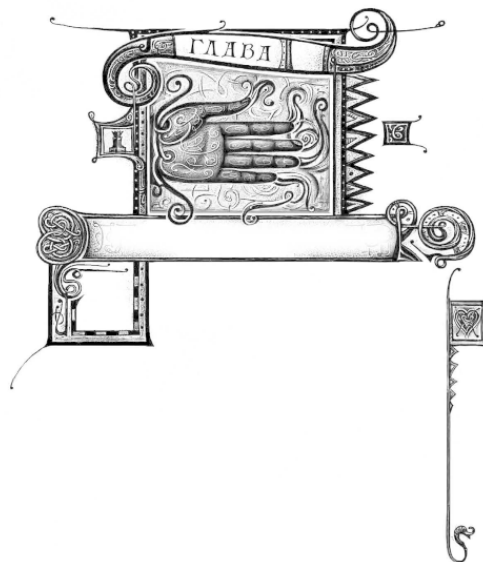
Генри опустил взгляд на Агату и понял, что даже она ему не верит. Она была благодарна за вмешательство, но качала головой так, словно пыталась молча сказать: способ для этого он выбрал наихудший. Несколько секунд Генри казалось, что отчаяние сейчас просто убьет его на месте, но потухшая надежда вспыхнула снова.

– Я найду Джоанну и заставлю ее вернуть мне мой цвет глаз. И тогда вы мне поверите. Вы мне поверите, – без голоса пробормотал Генри, и Эдвард бросился на него.

Узнать, чем все закончится, Генри, к счастью, не успел, потому что из глубины замка раздался пронзительный длинный крик, а потом топот, будто десятки ног мчались по коридорам, и этот звук показался Генри чудесным избавлением от всего этого ужасного, невыносимого положения. Уилфред с неожиданной силой тянул рычащего и брыкающегося Эдварда назад, и Генри изо всех сил сосредоточился на звуках за дверью, чтобы не слушать, как Эдвард желает ему сдохнуть. За дверью, кажется, ничего хорошего тоже не происходило, и Генри, воспользовавшись тем, что король присоединился к оттягиванию Эдварда от стола, кинулся к выходу с террасы.



## Глава 2 Побег



Кричали слуги – и, добежав до второго этажа, Генри отлично понял, что их напугало. По коридорам носились люди со звериными головами. Только присмотревшись, Генри понял, что это раскрашенные глиняные маски, вокруг которых нашиты меховые шкуры, целиком закрывающие голову. Он вдруг вспомнил маскарад Зимнего дня, где люди веселья ради надевают маски животных, но эти ребята собрались здесь явно не для того, чтобы развлекаться.

Генри стоял в конце длинного коридора, куда выходило не меньше десятка дверей. Многие были открыты нараспашку – судя по веникам и тряпкам в руках перепуганных слуг, те должны были в отсутствие придворных убраться в их покоях. Теперь они жались к стенам коридора, по которому, не обращая на них ни малейшего внимания, носился человек шесть в звериных масках.

Они влетали в комнаты с пустыми мешками на плечах, через минуту выбегали оттуда с туго набитыми мешками, неслись обратно по коридору и скрывались за поворотом так деловито, будто точно знали, куда идти. В их поведении не было ни злобы, ни угрозы, – они походили на муравьев, деловито таскающих щепки в свой муравейник. Генри растерялся. Кричать им: «Остановитесь, что вы делаете?» – было глупо, пытаться схватить их – тоже: судя по крикам, несущимся с другого этажа, грабителей было куда больше, чем шесть. Мысли у Генри путались, он еще не отошел от предыдущего потрясения и беспомощно стоял, наблюдая за всей этой беготней, пока в голову не просочилась здравая мысль. Нужно поймать одного вора, прижать к стенке, уничтожить у него на глазах какой-нибудь предмет, напугать его своим даром и заставить рассказать, что происходит.

Правда, коридор к этому времени почти опустел – все, что хотели, здесь уже, очевидно, украли, – и Генри бросился за последним оставшимся грабителем. Ему удалось схватить звероголового, но тот выскользнул легко, как мокрая рыбина, обернулся через плечо – глаза блеснули в прорезях маски – и помчался дальше. Генри не рассчитывал, что тот окажется таким быстрым: они свернули еще в два коридора, прежде чем Генри настиг похитителя и, бросившись на него со спины, уронил на пол. Тот ловко перекатился и треснул Генри своим мешком по голове. Удар был не слишком сильный, Генри отвлекся всего на секунду, но вор успел запу-

стить руку в карман и бросить Генри в лицо пригоршню чего-то блестящего, похожего на снег. Генри чихнул, когда крупинки попали в нос, и внезапно понял, что очень хочет спать. Он даже не успел испугаться, только почувствовал под щекой холодный каменный пол и закрыл глаза.

Генри очнулся в пустом коридоре и сразу понял, что времени прошло не так уж много: где-то в недрах дворца по-прежнему раздавались взволнованные крики и ругань. Он чувствовал себя непонятно бодрым и выспавшимся, но на сердце лежала каменная тяжесть, будто он даже во сне не мог забыть о том, что пережил на террасе. Больше всего ему хотелось забиться в какой-нибудь тихий угол и спокойно там погрузиться, но тут он вспомнил про людей со звериными головами и вскочил. Надо убедиться, что с обитателями дворца все в порядке, – наплевать на украденные вещи, но вдруг кто-то пострадал? Что, если Эдвард, как обычно при виде любой опасности, схватил меч и угрожал кому-то, а его в ответ ударили по голове, так же как сделали бандиты во время их путешествия?

В эту минуту Генри ясно понял, каково это, иметь семью, не состоящую исключительно из непобедимого бессмертного злодея. Иметь семью – значит беспокоиться за нее, даже если она пыталась врезать тебе по лицу и желала провалиться сквозь землю. И Генри побрел обратно на террасу.

Еще издали он услышал голоса, и громче всех был один – сухой, отрывистый и спокойный. Этого парня Генри раньше где-то слышал, но никак не мог вспомнить точно, где именно.

– Я припугнул нападавших, и они сбежали. Схватить не успел – слишком их много. До казны Освальд добраться не может, она заперта, но ценных предметов и в комнатах много, вот он и нанял этих ребят. Хорошо, что никто не пострадал. И запомните: я знаю Освальда, я понимаю, как он мыслит, и точно вам говорю: главный его план – не в том, чтобы обчистить дворец. Мы с ним сцепились в коридоре, я его сильно ударил, но он скоро явится. – Голос дрогнул от гнева. – Джоанна может придать человеку любой вид, и Освальд теперь выглядит, как я. Он хотел явиться к вам первым, но даже теперь не поверит, что план провалился. Будет уверять вас, что фальшивый я, а не он. Не слушайте, ясно? Он умеет врать, как никто.

Генри, привыкший не удивляться никаким фокусам, которые подбрасывала жизнь, особенно в последний месяц, застыл в дверях, глупо приоткрыв рот. Посреди террасы, среди придворных, вполголоса оплакивающих потерянное имущество, стоял он сам и говорил эту интереснейшую речь. Генри схватился за сюртук на груди – он по-прежнему был в той же одежде, которую надел с утра, но и на Генри-на-террасе была точно такая же. О том, что он, кажется, сошел с ума, Генри думал не больше секунды, потому что говоривший посмотрел на него, и все сразу стало ясно. Спокойствие и вызов в этом взгляде Генри узнал бы где угодно – и едва сдержался, чтобы не застонать.

Волшебный сонный порошок – вот что это была за сияющая пыльца. Он уже видел такой однажды в руках Алфорда, когда тот погрузил в сон весь город после приключения с короной. Если Алфорду такое волшебство под силу, значит, и Джоанне тоже. Она могла раздать по шепотке такой пыльцы всем своим наемникам, чтобы тот, кто встретит Генри, вывел его из игры минут на десять. А еще раньше, перед завтраком, именно она смотрела ему в спину в коридоре, чтобы запомнить, в какой он одежде, – и превратила Освальда в Генри. Все это было настолько умно и настолько просто, что Генри стало не по себе.

Он медленно перевел взгляд на остальных – судя по мрачному лицу Эдварда, он все еще злился на Генри за ложь про брата, но слушал внимательно, понимая, что сейчас у них есть дела посерьезнее. Агата с убитым видом подпирала голову кулаком, в котором был зажат поникший белый цветок. Видимо, король все-таки заставил Симона довести дело до конца, – тот с сияющим видом, не омраченным даже последними событиями, сидел за столом своей семьи и вполуха слушал поддельного Генри. Очевидно, он был так впечатлен своей храбростью в деле со сватовством, что Освальд и нападение волновали его не так уж сильно.

До Генри медленно начало доходить, почему никто не понял, что перед ними фальшивка. Освальд не переигрывал, говорил убедительно и спокойно. Генри уже давно заметил: люди плохо умеют врать, они наивные, как дети, но только не отец. Утром Генри обещал себе, что больше никогда мысленно не назовет Освальда этим словом, а теперь тот смотрел на него, и Генри мог прочесть этот взгляд, как книгу: «Я вижу, что ты меня узнал. В мире, полном болванов, хоть мы с тобой друг друга понимаем». Их взаимопонимание не исчезло просто потому, что Генри этого хотелось, и от этой мысли его ступор наконец-то превратился в ярость.

Возможно, сейчас наступило то положение, когда стоило спрятаться, подумать и проявить таинственную дипломатию, о которой писали в книге, но злость вспыхнула в нем с такой силой, что он бросился вперед, отпихивая с дороги всех подряд.

Генри несся, как волк на оленя, но Освальд ловко ушел от удара, сбил Генри с ног и прижал лицом к холодным каменным плитам. Драться с тем, кто сам же научил тебя драться и знает все твои приемы как свои пять пальцев, оказалось не так-то просто.

– Он врет! – заорал Генри, пытаясь сбросить ладонь в перчатке, которая давила ему на затылок. – Я настоящий! Грабители просто отвлекали внимание, просто дали ему время на подмену! Эдвард, спроси о том, что знаем только мы. Помнишь Рой? Из каких животных он состоял? Освальд не знает!

– Не слушай, Эдвард, я же сказал, – посоветовал фальшивый Генри с той ноткой раздражения чужой тупостью, которую Генри не раз замечал у себя. – Копии могут красть воспоминания, иначе у Джоанны не вышло бы столько лет выдавать себя за Ингрид.

Генри понятия не имел, правда ли это, но вовремя сказанная, уместная ложь работает ничуть не хуже правды. Он забился, пытаясь вывернуться из-под колена Освальда, больно давившего на позвоночник, но куда там. Минуту назад он был уверен, что убедить всех в своей правоте будет легче легкого, но второй раз за день переоценил собственную способность убеждать людей хоть в чем-нибудь.

– То, что я сказал утром, – правда, Эдвард, – выдавил Генри, неловко приподняв голову, чтобы встретиться с ним взглядом. – Ты видишь, на что способен Освальд. Он вас сейчас обманывает, как баранов. Думаешь, десять лет назад он забыл бы подстраховаться и изменить мне цвет глаз? Я твой брат, кретин, и я сделаю так, чтоб ты мне поверил.

Генри неожиданно понял, что голос дрожит, будто он сейчас заплачет. Эдвард продолжал смотреть на него, как человек, у которого чешутся кулаки, а вот хватка Освальда дрогнула, и Генри запоздало сообразил: вот теперь отец знает, что он все вспомнил. Секунду ему казалось, что тот его отпустит и попытается что-то объяснить, но он не учел, с кем имеет дело. Величайшее качество Освальда состояло в том, что он мгновенно приспосабливался к меняющимся обстоятельствам и начинал использовать их в свою пользу.

– Я прошу прощения за все, что наговорил утром, – мрачновато и неловко сказал фальшивый Генри. – Извините меня. Я все это выдумал, я просто хотел как лучше, а теперь он пытается это использовать, чтобы вас разжалобить. Нужно посадить его под замок, пока он вас не проведет, а Джоанна не явилась его освободить.

Генри уронил голову, звучно стукнувшись лбом о пол. Соревноваться с отцом в хитрости было бесполезно – он с ужасом понял, что и сам поверил бы поддельному Генри, а не тому, который жалко пытается что-то доказать, извиваясь на полу.

А потом в голову ему всплыла мысль, такая прекрасная, что дыхание перехватило. Он понял, как заставить всех ему поверить. Кое о чем отец не подумал: о волшебном зеркале в Башне мастеров, которое отражает вещи такими, какие они есть на самом деле. Отец сам сказал: «Если человек подозревал, будто что-то рядом с ним не то, чем кажется, он мог прийти сюда и проверить».

– Зеркало! – крикнул Генри, вскинув голову.

Кажется, никто не сообразил, что он имеет в виду, и Генри набрал в грудь воздуха, чтобы объяснить, но Освальд, увы, соображал быстро: он сгреб Генри за воротник и аккуратно приложил головой об пол.

Генри пришел в себя в темной комнате. Руки были связаны за спиной и примотаны к чему-то твердому, так что он лежал, неловко вывернувшись под углом. Было холодно, и, поглядев на себя, он увидел, что остался в одной рубашке: сюртук с него сняли, наверное, проверяя, нет ли под ним оружия. Генри немного поворочался, размышляя о том, как день, который так хорошо начался, ухитрился дойти вот до этого. Глаза немного привыкли к темноте, и он понял, что находится в незнакомом длинном помещении с ящиками вдоль стен – видимо, в подвале, – а вдалеке виднеется светлый контур закрытой двери. За дверью слышался негромкий разговор.

На то, чтобы разобраться с веревками, ушло всего несколько минут, – узлы вязал уж точно не Освальд. Генри несколько раз встряхнул ладонями, разгоняя застоявшуюся кровь, и бесшумно подобрался к двери, не разрешая себе хоть что-нибудь чувствовать, – он в плену и должен выбраться, оплакивать судьбу сейчас бесполезно.

Голосов за дверью было два, и сразу стало ясно, что принадлежат они рослым и сильным парням, которых, очевидно, поставили охранять вломившегося во дворец Освальда.

– Нет уж. Если он вырвется, мы и на помощь-то позвать не успеем, – говорил один из них, когда Генри приник ухом к двери. – Надо сразу в него мечом тыкать.

– Можно подумать, ты умеешь. Да не вырвется он: узлы на руках надежные, дверь и стены толстенные, а подружка-волшебница его отсюда не вытащит. Я подслушал, почему его именно сюда посадили. Его высочество в какой-то книжке вычитал, будто дворцовый подвал защищен от проникновения волшебников. Это заклятие при короле Джошуа наложили. Суровый был человек, сажал в этот подвал своих детей, когда хотел наказать, а иначе Тис вечно их освобождал и играл с ними в саду.

Генри велел себе запомнить важную мысль: если однажды его спросят, как организовать безопасность во дворце, он начнет с совета: запретить разговаривать охране, которая сторожит опасных преступников. Сейчас охранники сами навели его на мысль, как выбраться. Тис. Тис оставил ему в наследство свой дом, прежде чем умереть. «Просто подумай о нем как следует – и окажешься там». Генри прислонился лбом к двери и закрыл глаза, сосредотачиваясь на облачном доме.

Тис, может, и не мог попасть в дворцовый подвал, но, будь он жив, очевидно, легко попал бы отсюда к себе домой, – на такой причудливый случай защита этого места не распространялась. Темные очертания ящиков и стен подернулись туманом, а когда он рассеялся, Генри стоял в прихожей дома Тиса. Здесь было тихо и темно, – не то ночь предыдущего дня, не то следующего. Время здесь шло по-другому, и Генри быстро пробежался по комнатам, подзывая кошек. После грустного дня ему хотелось увидеть хоть кого-то дружелюбного, – но кошек и след простыл. Дом был пуст, и Генри вернулся в прихожую. Задерживаться в облачном убежище было нельзя – внизу могло пройти столько времени, что помогать окажется уже некому.

Отправиться бы сразу на поиски Джетта – вот только загадку он так и не разгадал, к тому же одна мысль пугала Генри так, что он до боли сжал кулаки. Что, если Освальд натворит от его лица каких-нибудь ужасных дел, убьет короля, или Эдварда, или всех во дворце, – и люди будут думать, что это сделал он, Генри? Еще вчера Генри не поверил бы, что его отец на такое способен, – тот был хоть и злодеем, но не сторонником лишних убийств, – но теперь ему казалось, что человек, лгавший ему десять лет, способен на что угодно.

Нужно вернуться и как-то заставить всех понять, где настоящий он, а где самозванец. История о потерянном принце подождет, сейчас надо просто спасти всех, кого можно спасти.

– Во дворец, – тихо сказал Генри и в приступе вдохновения прибавил кое-что еще: вдруг это удивительное жилище понимает и более тонкие указания? – Выведи меня к кому-нибудь, кто сможет мне помочь.

И он шагнул за порог – туда, где во тьме бледно клубились холодные ночные облака.

Волшебные существа не могли попасть за стены дворца, но это правило, похоже, не касалось волшебников и перемещения из их домов: когда туман вокруг рассеялся, Генри понял, что стоит в дворцовом саду. Солнце, так ярко сиявшее во время завтрака, уже скрылось за низкими, тяжелыми тучами, земля была мокрая от недавнего дождя, – кажется, пока он без сознания лежал в подвале и навевывался в дом Тиса, прошел почти целый день.

В первую секунду Генри показалось, что дверь просто вывела его куда попало, – он стоял посреди травяных зарослей, вокруг ни звука, кроме редких птичьих голосов. Вот только трава в этом углу сада была слишком густой и пышной, – около конюшни, где он уснул ночью, только начинали пробиваться ростки, а здесь весна была в разгаре. Генри посмотрел вверх, и до него дошло, что дверь, кажется, выполнила его просьбу, хоть и совсем не так, как он ждал. Он надеялся получить помощь от Уилфреда или от кого-то из слуг, а стоял под знакомым окном, вокруг которого густо оплетались, свисая до самой земли, стебли вьюнка.

Роза была уж точно последним человеком в замке, от которого можно было ожидать помощи в деле с Освальдом. Генри собирался уйти и поискать другой способ попасть во дворец, но его остановил раздавшийся из окна крик:

– Папа, выпусти меня, ну пожалуйста, выпусти!

Вьющиеся растения на стене задрожали и начали разрастаться, хотя казалось, что пышнее уже некуда.

– Я не сошла с ума! Папа!

Голос у Розы обычно был не громче, чем писк мыши, но сейчас он больше походил на медвежий рев. Генри даже не представлял, что такое тщедушное создание способно издавать такие звуки. Он обреченно полез вверх по стене, цепляясь за вьюнок. Никакой помощи от Розы ждать нечего, ей бы самой кто помог, но Генри вырос в тихом лесу с человеком, который никогда не повышал голос, и от криков ему всегда становилось не по себе. Он просто скажет ей, что все будет в порядке, и быстро вылезет обратно в окно. Вряд ли она справится с тем, чтобы метнуть в него нож.

Окно было незаперто. Генри тихо приоткрыл створку, спустил ноги на пол – и замер. По сравнению с тем, что творилось в комнате, пышный не по сезону вьюнок казался ерундой. Все поверхности от пола до потолка были заплетены растениями. Сделав пару шагов по толстому ковру из зелени, Генри почувствовал под ногами острые черепки – видимо, еще утром все эти цветы росли в горшках.

Он думал, что Роза плачет около запертой двери, но в этом диком лесу было совершенно непонятно, где дверь. В конце концов он нашел Розу на кровати – она рыдала, обхватив подушку.

– Папа, это все правда, ты должен поверить! – крикнула она и бессильно уронила голову.

Ее спор с отцом показался Генри несколько односторонним, – до него не доносилось ни звука, а значит, Уилфред наверняка был отсюда далеко.

– Эй, – сказал Генри.

Больше ничего ему в голову не пришло – он даже не был уверен, что стоит спрашивать, как прошли во дворце последние часы, у человека, который, судя по опухшему лицу, провел это время, заливая слезами подушку и разговаривая сам с собой.

Услышав его голос, Роза перевернулась на спину и расплылась в такой счастливой улыбке, что Генри попятился. Очевидно, Роза тронулась умом, а от таких всего можно ждать.

– Я знала, что ты за мной придешь! Знала! – заявила она и высморкалась в лежавшее на подушке полотенце, и так мокрое насквозь. Генри сделал еще шаг в сторону окна. – Я сказала отцу, что они все слушаются подделку, а он не верит. Если бы мы были в сказке, все бы так и случилось: пропавший принц вернулся, и все счастливы! Ну, то есть счастливы не прямо сразу, а в конце, как положено.

Генри прекратил свое отступление и замер посреди комнаты.

– Ты поняла, что я не врал. И поняла, что Освальд занял мое место. С ума сойти, – пробормотал он. – Я думал, ты...

– Тупица, – глядя на него сияющим взглядом, сказала она и села, опустив босые ноги на пол. – Мы в детстве ругались этим словом, помнишь? И твоя мама говорила нам после него вымыть рот с мылом.

Генри не помнил, но почувствовал странную теплоту в груди: словно то, что знала о жизни Роза, и то, что знал он сам, соприкоснулось.

– Как ты поняла? – пробормотал он.

– Помнишь сказку о прекрасной швее и мастере-сочинителе, которого Джоанна превратила в ужасное чудовище? Заклятие пало, когда швея полюбила его даже в таком страшном обличье. – Роза улыбалась и одновременно морщилась, чтобы не заплакать снова, отчего казалась похожей разом и на ребенка, и на старушку. – Это моя любимая сказка, потому что внешность в ней не имеет значения. Я десять лет жила со злой волшебницей, изображавшей мою мать. Привыкла не обращать внимание на то, что снаружи: когда смотришь кому-то в глаза, видно, какой он на самом деле. Джоанна хитрая, она правда могла изменить тебе цвет глаз, чтобы никто тебе не поверил, даже если ты вспомнишь, кто такой. Но теперь все будет хорошо. – Она встала, открыла шкаф и начала доставать оттуда платья с таким деловитым видом, будто это не она пять минут назад рыдала, распластавшись на кровати. – Тебе больше нравится это желтое или это серое? Думаю, серое: дороги, наверное, пыльные, желтое быстро поблекнет.

– Куда ты собралась? – нахмурился Генри.

– С тобой, конечно, – взмахнув ворохом платьев, сказала она. – Тебе нужно остановить Освальда и Джоанну, а я тебе помогу. Эдвард уже отгадал загадку, которую ты ему дал. Они с Освальдом и с кем-то еще уехали искать твоего рыжего друга и никому не сказали, куда именно. Все верят, что поехали с тобой защищать какой-то там Предел, я не поняла, что это.

Генри наконец вспомнил, где в этой комнате дверь, и торопливо пошел в ту сторону, но там теперь высилась пышная стена из листьев, и он зашагал к окну. Ну почему Эдвард не мог использовать свои хваленые мозги, чтобы раскусить план Освальда, а вместо этого разгадал загадку, которая поможет Освальду победить?

– Стой! – выпалила Роза. – Помнишь, когда мы были маленькие, Эдварду прочили в жены Агату, потому что ее отец был всемогущим казначеем, а я была вторая по знатности, и все шутили, что мы с тобой поженимся, когда вырастем? Как я могу выйти за Эдварда? Ты – моя судьба, все сходится, Роберт, как ты не понимаешь?

– Не называй меня так, – отрезал Генри. – Я понятия не имею, как быть тем, кем был он, ясно? Все эти детские игры уже значения не имеют. Я обжигая, и так всегда будет, так что выкинь весь этот бред из головы и сиди тут.

Он уже перенес ногу через подоконник, когда она выпустила платья из рук и подошла к нему. Взгляд у нее был такой, что Генри остановился.

– Я всю жизнь играла по правилам – и что получила? – с жаром начала она. – Будь учти-вой, молчи, красиво одевайся, выходи, за кого скажут. Но сегодня я все поняла. Барс привел тебя ко мне, и он не зря сделал так, что Освальд явился как раз в день помолвок. Мы с тобой найдем, как избавить тебя от дара, а если нет – просто поженимся и будем счастливы. Своих детей заводить не обязательно, можно взять тех, кто остался без родителей, – это называется

усыновить, в сказках так иногда делали. Честь Эдварда не пострадает, только моя: скажем, что ты меня украл. Я знаю, что будет опасно, но если я вдруг погибну в походе, это будет ради любви.

Генри со стоном прислонился головой к оконной раме.

– Вы с Эдвардом друг друга стоите, – пробормотал он, стараясь не выходить из себя. Жить в лесу было куда легче, чем лавировать среди привязанностей и безумных выдумок людей. – Оба говорите о смерти так, словно это увлекательное и приятное событие, которое немедленно избавит всех вокруг от проблем. Не сомневаюсь, что Эдвард поехал в этот проклятый поход, чтобы найти способ протянуть там ноги, доказав отцу, какой он полезный. – Генри со всей силы треснул кулаком по стене, но мягкий слой листьев поглотил звук удара и легче не стало. А потом он вспомнил Лотту, вспомнил, как они хоронили ее в пустой деревне, и стало еще хуже. В этот раз не будет никаких лютых тварей, никакой серьезной опасности, но... – Роза, я тебя прошу, останься дома. Если еще и с тобой что-то случится, это будет слишком.

– Ты кое-чего не понял, – тихо сказала Роза с лицом человека, который уверовал в свою цель и теперь не свернет. – В этот раз на твоей стороне никого нет. Никого, кроме меня. Все твои заслуги присвоил Освальд, все, кто тебе дорог, верят ему. А я ради тебя на все готова, меня никакие приключения не пугают. Буду сильной, выносливой и полезной. – Роза подошла к нему вплотную и протянула руку, как делают люди, когда хотят поздороваться. – Давай заключим сделку. Ты возьмешь меня с собой, и, если к тому времени, как все закончится, ты сам захочешь на мне жениться, мы поженимся, и неважно, обжигаеть ты или нет. А если не захочешь, я оставлю тебя в покое.

– И что тогда будет? – устало спросил Генри, поставив локти на подоконник.

Ему так хотелось скрыться от этого разговора, что он уже наполовину вылез из окна, но совсем уйти не мог. Мысль о том, чтобы остаться наедине с огнем, который рано или поздно вернется, пугала его так, что в глубине души он готов был согласиться на любую компанию.

– Мне все равно, и тебя пусть это не волнует. Ну что, по рукам?

В ее глазах горела такая надежда, что Генри не решился эту надежду прикончить. Вместо этого он сжал протянутую ему руку, стараясь не думать о том, что делает.

– Будешь во всем меня слушаться, – предупредил Генри. – Скажу прятаться – спрячешься, молчать – замолчишь. Ясно?

Роза закивала с совершенно счастливым видом, и Генри мрачно забрался назад в комнату.

– У тебя тут найдется нож, сумка и какая-нибудь еда?

Роза засуетилась и выложила перед ним что-то похожее на крохотный напильник, обшитую тканью плоскую коробку размером с ладонь и прозрачные камешки, надетые на шнурок.

– Вот. Пилка для ногтей, сумочка для прогулок и мятные леденцы, – гордо сказала она. – Подойдет?

Генри подавил вздох, но сказать ничего не успел: со стороны скрытой за листьями двери раздался стук и голос Уилфреда:

– Роза, детка, тебе лучше? Я принес наброски свадебного платья и горячее молоко. Прости, что запер: не хотел, чтобы все услышали твои странные выдумки про поддельного Генри, тебе самой завтра было бы стыдно.

– Папа, все хорошо! – бодро крикнула Роза, но тут же сделала грустное лицо и заунывно прибавила: – Все плохо. Не хочу ни молоко, ни платье. Мне надо побыть одной.

– Ладно, – вздохнул Уилфред где-то за листьями. – Детка, я очень тебя люблю. Я так рад, что ты выходишь замуж! Сегодня лучший день в моей жизни. Я теперь знаю, что, когда меня не станет, будет кому за тобой присмотреть. Давай больше не будем ссориться, ладно?

Роза подошла к тому месту, откуда раздавался голос, и всем телом прижалась к лиственной стене.

– Я тоже тебя люблю, папа, – отрывисто сказала она. – Прости меня, ладно?

– Конечно, дорогая. Все будет хорошо. Я оставлю молоко и наброски под дверь. И не волнуйся больше так, мы все в безопасности. Я только что спрашивал охрану, которая сторожит Освальда, – тот сидит тихо.

То, что охранники еще не обнаружили его исчезновение и сторожили пустой подвал, было так трогательно и глупо, что Генри фыркнул. В двери была замочная скважина, и при желании они в любой момент могли бы проверить, как там пленник, но были, очевидно, слишком увлечены разговорами.

Шаги Уилфреда становились все тише. Еще минуту Роза смотрела в сторону двери так, будто хотела открыть ее и броситься за ним, а потом вернулась к шкафу.

– Мне надо собраться, я быстро. Подожди три минутки, ладно?

Она шуршала чем-то в шкафу, пока Генри оглядывал комнату в поисках хоть каких-нибудь полезных предметов. На сборы у Розы и правда ушло ровно три минуты, но когда Генри увидел результаты, брови у него поползли вверх.

– Да у тебя тут вообще ничего нужного нет, что ты ухитрилась туда набить? – спросил он, глядя на огромный узел, сделанный из простыни.

– Тут только самое необходимое! Я долго думала, упаковывать ли праздничное платье, но потом решила, что праздничное пусть лучше пока будет на мне, оно тяжелое.

– Только не говори, что собираешься ехать в том, что на тебе надето.

– А что? – Роза оглядела свое голубое платье, расшитое блестящими камнями.

– У тебя ведь есть хоть одна удобная пара обуви? – осторожно спросил Генри, глядя на ее туфли на тонких, как ветки, каблуках.

– Конечно. Вот эта, я потому ее и надела, – искренне сказала Роза. – Ну что, пойдём?

Ладно, в конце концов, перемещаться они будут через дом Тиса, пусть тащит свой узел, если он ей так нужен. Генри взял ее за руку и закрыл глаза, представив себе Облачный дом, но, увы, ничего не произошло.

Генри выпустил руку Розы и попытался переместиться один – снова не вышло. Может, если ты не волшебник, чаще, чем раз в сутки, в Дом не попадешь? Видимо, придется выбираться простыми человеческими способами. Генри понятия не имел, куда им ехать, но одно знал точно: надо убраться подальше от дворца, пока никто не заметил, что они сбежали.

– Возьмем коней, – сказал он, направляясь к окну. – Умеешь ездить верхом?

– Возьмем без спроса? Это же воровство! – возмутилась Роза, и он на ходу развернулся к ней.

– Это мой дом, не забыла? Что хочу, то и беру. – От этой мысли губы у него сами растянулись в улыбку. Генри никогда не думал, что обладать вещами может быть так приятно. – Мой конь. Моя конюшня. Мой сад. Мой...

– Твой багаж, – весело сказала Роза, вручая ему свой гигантский узел. – Первое правило хороших манер, ваше высочество, – не разрешать девушкам носить вещи, размером превышающие лист бумаги.

Генри фыркнул, забрал у нее узел и вышвырнул его в сад. Потом снял с Розы туфли, отправил их следом и начал перебираться через подоконник.

От визита на конюшню Генри сюрпризов не ждал – и, как оказалось, зря. План был простой: найти Снежка, подобрать для Розы какого-нибудь смиренного коня и оседлать их, взяв упряжь с полки у дальней стены. Вот только Снежка не было – видимо, Эдвард предложил его фальшивому Генри, – а полка была почти пуста: все лучшие принадлежности для верховой езды забрали те, кто уехал, и остались только ненадежные на вид седла с многократно залатанными ремнями да проржавевшие насквозь упряжки и стремяна. Генри попытался выбрать себе другого коня, глупейшим образом злясь на Снежка за то, что не почувал подмены и разрешил

Освальду себя увести, – но быстрых скакунов тоже разобрали. На конюшне остался десяток сонных лошадок, некоторые из которых были, кажется, так стары, что подвигов от них можно было не ждать.

Впрочем, Розе все эти плохие новости ничуть не испортили настроение. За порогом конюшни уже пробилась первая трава, и Роза одним движением руки заставила ее вырасти до дверного засова.

– С детства не видела лошадей так близко! Бедняжки, они уже полгода без свежей травы, – жизнерадостно сказала она, протягивая пучок тихой на вид лошади. – Какие чудесные создания!

Чудесное создание съело траву и, очевидно, приняв руку Розы за продолжение угощения, крепко схватило ее зубами. Роза завопила и дернулась назад. Лошадь, к счастью, уже поняла свою ошибку и разжала челюсти, но Роза продолжала голосить, заливаясь слезами и прижимая ладонь к груди. Генри думал, у нее кости раздроблены, но нет – только на пальцах остались синеватые вмятины.

– Пройдет, замолчи! – выдохнул Генри, но было поздно: со стороны замка послышались голоса охраны.

Генри схватил постанывающую Розу за здоровую руку и бросился прочь из конюшни, забыв, что на каблуках длиной с палец не побегаешь. Пришлось остановиться, стянуть с Розы туфли и вытащить ее из конюшни босиком, не забыв прихватить туфли и узел с вещами, без которых Роза отказывалась уходить. Через сад к ним уже бежали два стражника в золотых куртках – услышав такие крики, Генри на их месте тоже решил бы, что кого-то убивают.

– Это Освальд! – заорал один из стражников и остановился как вкопанный. – А ну стой! Именем короля приказываю тебе остановиться и выпустить девушку!

Генри помчался быстрее. Привычка людей произносить угрожающую речь, когда нужно молча преследовать врага, сейчас сослужила ему отличную службу. Бегун из Розы был хуже некуда, и если бы охранники серьезно поставили себе задачу их схватить, это получилось бы у них без особых усилий. Вместо этого они стояли и выкрикивали бессмысленные предупреждения: кажется, просто хотели выполнить свой долг, не приближаясь к Освальду, и надеялись, что беглецов задержит охрана у выхода за крепостную стену. Но Генри, мысленно поблагодарив Агату за то, что когда-то показала ему тайный лаз, побежал вовсе не к выходу.

Найти узкий разлом внизу крепостной стены оказалось несложно – Генри слишком долго находил дороги в горных лесах, чтобы потеряться в саду. Куда труднее оказалось заставить Розу проползти по мокрой земле, а потом протиснуть в щель все ее вещи.

К тому времени, как они оказались за стеной, Генри израсходовал весь свой запас терпения, так что причитания Розы насчет испорченного грязью платья слушать не стал и молча потащил ее вдоль озера туда, где начинался лес. Верхом они бы в два счета оторвались от погони, но про удобное путешествие на конях можно было забыть. Теперь весь дворец будет в курсе, что пленник сбежал, а Генри уже выучил, что со страху люди способны наделать куда больше глупостей, чем от храбрости. Что, если они попытаются убить его, а ранят Розу? Нет уж, возвращаться во дворец нельзя.

Куда идти дальше, Генри не представлял, так что просто отыскал в лесу место, где деревья сходились плотнее всего, усадил Розу на землю и еще немного обмазал грязью ее платье, чтобы его голубой цвет их не выдал. К счастью, сумерки уже подступали – еще не темнота, но воздух словно стал плотнее, а тени разрастались, укрывая землю. Если их будут здесь искать, придут с факелами, – погоня будет заметной, а самому Генри не нужен свет, чтобы ночью выбраться из леса.

От мрачных размышлений о том, что им теперь делать, его оторвал дрожащий голос Розы.

– Вот почему тебя никто не узнал, – запальчиво сказала она, прижимая к себе узел. – Ты ведешь себя не как принц. Чуть не вырвал мне руку, пока тащил сюда, и даже не извинился. Я промерзла, ноги босые, меня укусила лошадь, а ты ни разу не спросил, как я себя чувствую.

Генри вытаращил глаза.

– Ты вот об этом сейчас думаешь? Слушай меня: все серьезно. Эдвард ведет Освальда прямо к моему другу, и я понятия не имею, куда именно. У меня есть подсказка, вот она: «Путь дарителей с рассветом стал запутанным и сложным, но не нужно быть поэтом, чтоб мечтать о невозможном». Эта бессмыслица должна указывать на какое-то место, и Эдвард почти сразу его отгадал. Можешь помочь?

Роза смотрела на него во все глаза. В этих глазах было полно усталости и страха, но ничего похожего на: «Конечно, я знаю ответ!», Генри со вздохом развязал узел, полный цветных тряпок, нащупал что-то меховое и протянул ей.

– Взяла хоть что-то теплое – уже хорошо. Ночи холодные, заморыш вроде тебя околает в два счета.

Он надеялся, что это прозвучало заботливо и шутливо, как, наверное, положено говорить принцам, но, судя по лицу Розы, больших успехов на этом поприще он не добился.

– Ладно, вернемся к загадке, – пробормотал Генри, глядя, как Роза натягивает хлипкую меховую безрукавку. – Вот что меня в ней смущает: почему с рассветом путь должен стать сложным? Днем-то путешествовать легче. И при чем тут поэты? О чем таком невозможном они мечтают?

– О любви, – пролепетала Роза, кутаясь в безрукавку. – О красоте. О звездах. О том, чтобы раскрыть тайны природы.

– Звезды, – выдохнул Генри. – Роза, ты гений. Ну конечно! Олдус Прайд рассказывал, что герб королевства – это сердце, корона и пять звезд, а надпись на нем...

– «Пусть освещают звезды путь дарителей», – закончила Роза и, выудив из узла квадратик кружевной ткани, тихо в него высморкалась с таким видом, будто делает что-то ужасное.

– А что это вообще значит? Глупость какая-то: звезды всем одинаково светят.

– Это древний девиз волшебного королевства, мне папа рассказывал, – осипшим голосом сказала Роза.

Бегать босиком в конце зимы явно было не лучшей идеей. Генри хотел снять сапоги и натянуть на нее, но потом взглянул на ее босые ноги и раздумал: они были такие маленькие, что в его сапогах она бы и шагу не смогла пройти.

– Дарители, – продолжила Роза, – это не просто люди с дарами, это те, кто как можно больше дарит другим. В сказках это слово всегда используют как высший комплимент. И девиз говорит, что если ты будешь щедрым и храбрым, то само королевство поможет тебе во всем, что для тебя важно. В сказках часто говорится, что звезды вели героев прямо к цели.

– Они и так приведут, куда надо, главное – знать, куда хочешь попасть, – пробормотал Генри, вглядываясь в едва заметный рисунок первых звезд. – А на главный вопрос – куда именно идти – в тишине ответа нет. Надо подождать, пока стемнеет. Звучит смешно, но вдруг звезды правда подскажут ответ?

Генри положил босые ноги Розы себе на колени и потер облепленные землей ступни, даже сквозь перчатки чувствуя, какие они холодные. Роза вскрикнула и отдернула ноги.

– Это неприлично, – выдавила она, глядя на него, как на опасного зверя.

– Тогда замерзай, – огрызнулся Генри, жалея, что не дочитал книгу о хороших манерах.

Роза насупилась и отвернулась. Так они и сидели, пока звезды не проступили в полную силу. Генри смотрел на знакомые созвездия, пытаясь прочитать в них что-нибудь новое. Но если герои древности и видели в них тайные путеводные знаки, он ничего похожего не замечал. Роза сидела очень тихо, обхватив колени и иногда поглядывая на него, Генри чувствовал этот взгляд кожей, – щекочущий, как прикосновение. Иногда она кашляла, и тогда ему хотелось

предложить ей прижаться к нему ближе, чтобы согреться, но после истории с ногами сказать это он так и не решился.

К счастью, хоть погоня не явилась – во дворце, видимо, с поимкой беглецов решили подождать до утра.

– Твой отец, – произнес Генри, когда стало совершенно ясно, что от звезд помощи ждать нечего, – он думает, что тебя похитил Освальд.

Роза испуганно заморгала – об этом она явно не подумала, – и Генри прибавил, выбирая слова осторожно, как, наверное, сделал бы принц:

– По-моему, тебе пора домой. Это не игра, понимаешь?

В глубине души он надеялся, что Роза поднимется, скажет: «Ты прав, мне пора» – и уйдет. Тогда ему не придется бояться, что Уилфред умрет от сердечного приступа или что Роза в своей дурацкой одежке насмерть простудится. Но вместо этого Роза вдруг выпрямила спину, и глаза у нее засияли, словно она услышала что-то прекрасное.

– Все наоборот. Это просто игра! – пробормотала она. – В сказках наставники часто говорили героям что-то вроде: «Приключения – это весело, так получайте удовольствие!» А помнишь девиз Странника?

– «В пути ты обретаешь перемены»?

– Да! То, что происходит в пути, так же важно, как то, куда ты хочешь попасть! – Роза вскочила, зябко поджимая красные от холода пальцы ног. – Забудь про загадку. Забудь про моего отца. Это наше с тобой приключение! Давай попытаемся развеселиться, а там что-нибудь придумаем.

– В жизни ничего глупее не слышал.

– Можно, я каждый раз, когда ты грубишь, буду говорить тебе: «Ты же принц»? – Роза решительно встала и потерла руки. – Для начала надо согреться.

– Нельзя разводить костер, нас могут... – начал Генри и осекся, увидев, что она занята вовсе не костром.

Она вышла из зарослей на поляну, сосредоточенно закрыла глаза – и все вокруг пришло в движение. Из-под земли полезла трава, на деревьях начали расти почки, в воздухе запахло древесным соком и зеленью. Когда почки лопнули и на деревьях раскрылись листья, Роза опустилась на землю и рассмеялась.

– Сухая! Растения вытянули всю воду.

Генри пересел ближе к ней – и правда, сидеть стало куда суше и уютнее, но Роза на этом не остановилась. Она стряхнула с платья засохшую грязь, пригладила растрепавшиеся после побега волосы и сказала:

– Я столько лет ждала, когда начнется моя настоящая жизнь, и вот она! Мы же в волшебном королевстве, Генри, не будь таким маловерным. Теперь Сердце вернулось, а, значит, наша земля снова такая, какой была в сказках. Тем, кому нужна помощь, она всегда поможет.

– Не хочу тебя разочаровывать, но мой жизненный опыт говорит, что ты смотришь на все слишком...

Роза взбудораженно засмеялась, не дав ему закончить. А потом вытянула из своего узла крохотную книжку с пустыми листами и что-то похожее на палочку для письма, нацарапала записку, привязала ее красной лентой к увесистому камню и подняла его над головой.

– Найдется ли волшебное существо, которое сможет перебросить это через стену дворца?

– Роза, это просто смешно, мы должны думать о... – Генри вздрогнул и отполз назад.

Раздвинув траву, к ним вразвалку подошло существо, напоминающее дальнего родственника господина Теодора. Плюшевый медведь, только вполне живой и в широкополой шляпе с большим пером.

– Грибень, – нежно сказала Роза и села на корточки. – Здравствуй, какой же ты милый! Сможешь забраться на стену и уронить этот камень на главную аллею, чтобы его нашли стражники?

Существо важно кивнуло, взялось обеими лапками за камень и с видимыми усилиями потащило его прочь. Генри смотрел ему вслед, приоткрыв рот.

– Так можно? – не поверил он. – Просто попросить, и тебе помогут?

– Теперь твоя очередь, – сказала Роза, подходя к нему. – Не будь таким серьезным, Генри. Улыбнись, ну, давай же. И поверь, что отгадаешь загадку. Просто поверь, и все.

Генри фыркнул и запрокинул голову, пытаясь ни о чем не думать и ничего не бояться.

– Звезды укажут мне путь, и пока не настанет рассвет, мой путь будет легким и прямым, – еле слышно сказал он, изо всех сил стараясь в это поверить. – Невозможно дойти по звездам, не зная куда, но я верю в невозможное. Особенно когда плюшевый медведь готов бросить письмо через стену.

Роза, стоявшая рядом, вдруг стиснула его руку, и Генри повернулся к ней. Она уставилась вверх с таким счастливым лицом, что минуту Генри просто смотрел на нее, пытаясь удержать в памяти этот момент, и только потом взглянул на небо.

Темную синеву до самого горизонта разрезала дрожащая полоса света – такая яркая, что Генри сначала показалось, будто все звезды стянулись в одно место. Но нет, все знакомые ему созвездия были на своих местах, просто поблекли по сравнению с небесной рекой, состоящей из сотен, тысяч светил, – будто на этом участке неба что-то заставило сиять дальние, обычно невидимые звезды, о существовании которых Генри даже не подозревал. В какую сторону ведут звезды, было ясно – на северо-западе, в истоках этой сияющей реки, она была узкой и бледной, а к юго-востоку разгоралась все ярче.

– Интересно, кто-нибудь, кроме нас, это видит? – пробормотал Генри.

– Не думаю, – ответила Роза. – Эта волшебная ночь только наша.

Генри вздохнул. Полчаса назад он попросил бы Розу оставить свои наивно-восторженные комментарии при себе, но он слишком хорошо помнил, кто разгадал загадку, и вместо этого сказал:

– Я одного не понимаю: если Эдвард тоже сообразил, что отгадка – не название места, а способ туда попасть, зачем он и его люди вышли из дворца еще до заката? Боялся, что из-за огня дворца звезд будет не видно? Или Освальд знал, что я быстро выберусь из подвала, и хотел скрыться, пока я за ними не проследил? Ладно, их звезды тоже загорелись недавно, а значит, они опережают нас не очень сильно. Ночью верхом быстро не поскачешь, так что, если поторопимся и если их в пути что-нибудь задержит, у нас есть шанс первыми добраться до следующей загадки.

Генри запоздало понял, что его умные рассуждения Роза просто не слушает, – она уже давно выпустила его руку и внимательно разглядывала что-то у себя под ногами, то наступая на землю, то убирая с нее ногу.

– Хочу попробовать кое-что сделать, когда отойдем подальше от дворца, – сообщила она, ероша ногой пушистую траву.

Генри кивнул и пошел на юго-восток, когда Роза его окликнула:

– Ты же принц, Генри. Бери вещи и предложи мне локоть, чтобы я могла взять тебя под руку.

Зря он надеялся, что Роза отвлечется на звезды и забудет свой бесполезный узел с одеждой. Генри молча взял его и подставил локоть, чтобы Роза могла ухватиться. Он обреченно ждал, что она повиснет на его руке всем весом, – может, на дальние расстояния девушек положено тащить, как сумку с грибами, когда собираешь их в лесу, – но Роза всего лишь положила пальцы ему на стиб руки. Вены в этом месте очень близко к коже, и наверное, поэтому прикос-

новение даже сквозь рубашку ощущалось так ярко. Генри вдохнул глубже. Хорошие манеры, кажется, не всегда бывают неприятной обязанностью.

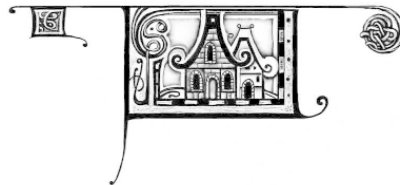
К юго-востоку от них тянулось озеро, и, чтобы последовать туда, куда вела звездная река, для начала нужно было его обойти. Они вышли из леса и зашагали по дороге вдоль воды. Ярко освещенные башни дворца возвышались за крепостной стеной справа от них, и Генри все ждал, когда их хоть кто-то остановит, – если бы он распоряжался безопасностью дворца, для начала поставил бы часовых в башенки на стене. Но ничего не произошло, даже когда они шли через пустынную площадь мимо главных ворот.

– Я никогда еще не была так далеко от дома, – вдруг сказала Роза, когда они углубились в переплетение городских улиц.

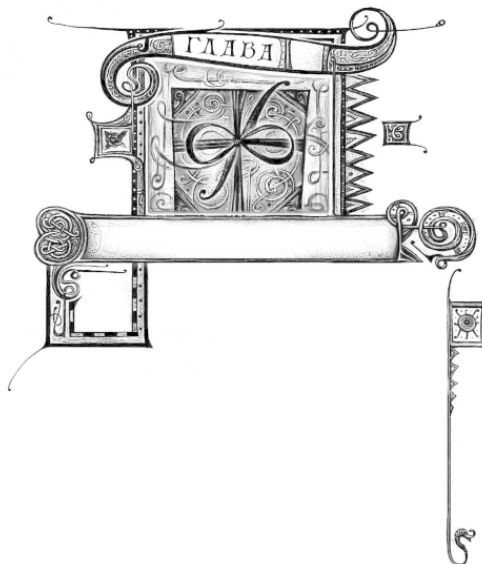
Генри хмыкнул, глядя на дворцовую стену, от которой они отошли всего на сотню метров.

– Ничего, – важно сказал он. – Я много путешествовал, это не так уж трудно. Увидишь, тебе понравится.

Роза посмотрела на него так, будто в его компании ей бояться нечего, и Генри почувствовал, что раздувается от гордости, как лягушка. Он впервые встретил человека, который выходил бы из дома еще реже, чем он сам, и ему нравилось, как он смотрится на таком фоне.



## Глава 3 Нежное сердце



Ближе к окраине городские улицы становились все уже, дома – меньше. Генри ждал, что Роза будет ужасаться местной бедности и грязи, но она смотрела на все вокруг тем же сияющим взглядом, что и на реку из звезд, и на него самого: будто все это – прекрасные подарки, которые не могут разочаровать. Скоро ее чувство передалось и Генри: ощущение волшебной ночи, когда сбывается все, чего захочешь.

Дома попадались все реже, потом исчезли совсем. Небесная река мерцала в темноте, вела их через остро пахнувший хвоей лес, через поля, где приходилось обходить дремлющих овец, через деревеньки, где все спали, но от домов веяло теплом натопленных на ночь печей. Первое время Генри ломал голову над тем, как быть с босыми ногами Розы, а потом заметил, что она справилась и без него, – да еще таким способом, на который у него и воображения бы не хватило.

В шаге перед ней с невиданной скоростью выростала трава, и когда Роза ставила ногу, она ставила ее на мягкую и сухую траву, а не на размокшую холодную землю. Видимо, пока Генри ездил побеждать лютую тварь, Роза тоже времени не теряла и училась использовать свой дар. Генри обернулся: по черному полю за ними тянулась узкая зеленая полоса. Теперь при желании за ними было бы легко проследить, но Роза, к счастью, начала проворачивать этот трюк, только когда они удалились на порядочное расстояние от дворца. Генри представил себе, как утром местные будут гадать, что оставило на их полях такие странные знаки, и улыбнулся. Завтра десятки людей определенно поверят в волшебство.

На усталость Роза не жаловалась, и они шагали всю ночь, не говоря друг другу ни слова. Генри ждал, что к рассвету земля остынет окончательно, тут-то они и продрогнут до костей, но, как ни странно, становилось теплее. Природа вокруг менялась с каждым часом: вместо набухших почек на деревьях – разлапистые крупные листья, вместо хилых первых травинков – буйные заросли растений, непохожих ни на одну известную Генри траву. К тому времени, как небо побледнело, Розе уже давно не надо было выращивать для себя удобную тропу – они оба шагали по сухой песчаной земле, огибая усеянные колючками цветущие кустарники.

Генри с удовольствием просто шел бы дальше на юго-восток, не связываясь с новыми загадками, но он уже понял, что значат первые две строки стихотворения: «Путь дарителей с рассветом стал запутанным и сложным». Как только встанет солнце, звезды перестанут указывать путь, и нужно будет искать вторую подсказку.

Звездную реку становилось все труднее различать, она выцветала, словно приближающийся восход забирал у нее силу, и наконец, когда над горизонтом показался розовый край солнца, небесная река исчезла окончательно. Они стояли на песчаной равнине с редкими пятнами алых и желтых кустарников, а за ней начинался город из невиданного светлого камня, похожего на застывшие от времени пласты песка. Даже форма домов здесь была не такой, как в столице: тот, кто строил этот город, явно не любил острые углы. Линии крыш плавно перетекали в стены, окна были почти круглые, и вся эта картина выглядела такой радостной, что Генри подумал: если скриплеры не обманули и Барс правда оставил подсказку, то прекрасный город выглядел очень подходящим для этого местом.

– Зайдем туда, ладно? – спросил он. – Наверняка подсказка где-то здесь, и мы узнаем ее, когда увидим.

Роза замотала головой, глядя на него с таким ужасом, что Генри всполошился. В траве с шуршанием копошились какие-то местные насекомые – может, одно из них ее укусило? Он уже собирался броситься на землю и изучить ее голые ноги, когда Роза разлепила пересохшие губы и пролепетала:

– Веер. Я его забыла. Так торопилась, что... Я не могу. Не могу показаться людям в таком ужасном виде. Я сяду и где-нибудь здесь тебя подожду, хорошо?

Генри медленно выдохнул. Нашла из-за чего беспокоиться! От бессонной ночи щеки у Розы немного ввалились, глаза были красные, от гладко зачесанной дворцовой прически уже ничего не осталось, но «ужасный вид» – это было явное преувеличение. Ужасный вид – это непромытые раны, кровь, три дня без сна на охоте и обмороженные пальцы, но уж никак не отсутствие веера.

– Я же сказал, что глаз с тебя не спущу. Вперед, нормально ты выглядишь, – терпеливо сказал Генри. – Я видел женщин в большом мире, у них вообще вееров нет, эту глупость у вас во дворце выдумали. То есть у нас во дворце.

От мысли о том, что у него теперь есть дом, Генри стало так хорошо, что он не сразу заметил, каким малиновым цветом налились щеки Розы.

– И много ты их видел? Женщин? – прошелестела она.

– Ну, да, – бодро начал Генри, но, увидев лицо Розы, поправился: – Не очень. Совсем мало. Парочку. Думаю, нам уже пора.

Роза обхватила Генри за локоть и побрела вслед за ним к городу, с каждым шагом все ниже опуская голову. К тому времени, как они вступили на мощенные все тем же песчаным камнем улицы, Роза почти уткнулась лицом ему в рукав, будто думала, что без веера ее здесь кто-нибудь побьет. Но никто ничего подобного не сделал – их провожали любопытными, чуть враждебными взглядами, какими люди всегда смотрят на чужаков, но в остальном они выделялись из толпы куда меньше, чем Генри предполагал.

Во-первых, здесь любили яркие цвета, так что голубое платье Розы с переливающимися камнями на поясе никого не заинтересовало. Волосы у женщин были распущены по плечам, как у Розы, босые ноги тоже прошли незамеченными – люди здесь носили смешную открытую обувь, в которой видно все пальцы: что-то вроде плетеных тапочек на плоской подошве. Единственным, что в Розе почему-то заинтересовало местных, была меховая безрукавка, и скоро Генри понял почему. Солнце недавно встало, а в городе было уже тепло, как в разгар весны. Может, они вообще не носят мех? Генри остановил Розу посреди улицы, снял с нее безрукавку и затолкал в узел с вещами. Он уже давно выучил: чем меньше внимания к себе привлекаешь, тем меньше неприятностей наживешь.

Выучил он и кое-что еще: в центре человеческих поселений дома всегда богаче и выше, чем на окраине, так что найти главную площадь оказалось не так уж трудно. На это ушло полчаса – город был куда больше, чем показалось сначала. И как только они вышли на открытое пространство, все мечты Генри о том, что подсказка, какой бы она ни была, просто лежит и ждет их посреди площади, разбились вдребезги.

Площадь была огромной и шумной, запруженной народом. В первую минуту Генри показалось, что все толкаются тут без всякой цели, но ведь даже в косяке рыб разглядишь порядок, если присмотреться. Генри остановился посреди толпы и начал задумчиво изучать площадь, слегка отталкивая тех, кто пытался снести его с пути.

– Простите, – лепетала Роза, сжавшись. – Вы очень любезны. Извините.

Дома и тут были из светлого песчаника, – такие похожие, что Генри снова показалось, будто весь город выстроил один человек. Наибольший интерес у местных вызывало длинное строение без окон, зато с множеством полукруглых входных арок, сквозь которые в обоих направлениях сновали люди. Всю стену над арками занимала древняя, кое-где осыпавшаяся картина, сложенная из маленьких кусков разноцветного камня.

У того, кто ее сделал, было полно свободного времени – Генри не мог придумать другой причины, по которой можно заниматься такой утомительной и странной работой. Он привык, что предки увековечивали в основном героев и волшебников, королей и подвиги, а тут стену украшали коровы, поросята, овощи всех видов и размеров, пчелы, колосья, золотистые буханки хлеба и даже розовые соленые окорока. Генри двинулся в сторону невиданного здания, утягивая за собой окостеневшую от страха и неловкости Розу, и остановился на углу, так и не дойдя до входа, потому что увидел вторую стену здания, ту, что выходила в переулок. На ней тоже была картина из мелких камней, но изображала она уже не еду, а огромную карту королевства. Один из городов, Самайя, был обведен венком из колосьев и медовых сот, из чего Генри сделал вывод, что как раз в Самайе они сейчас и находятся.

Самайя была нарисована в правом нижнем углу карты, где-то на уровне его колена. Королевский дворец – слева и куда выше середины стены, Генри не смог бы до него дотянуться, даже если бы подпрыгнул. Может, карта неправильная? Но нет, знакомые места вроде Пропастей и Разноцветных скал были как раз там, где он помнил. А значит...

– Так не бывает, – упрямо пробормотал он, хотя эту фразу, кажется, давно следовало забыть. – Мы за ночь прошли полкоролевства. Это невозможно, мы просто шли, не было никакого волшебства!

– Кроме звездной реки, зажженной для нас самим Барсом, – пробормотала Роза и впервые с тех пор, как они зашли в город, перестала до боли вдавливать пальцы ему в руку. – Это его королевство, понимаешь? Для него все возможно! Раз мы здесь, он точно за нами приглядывает, и все будет хорошо. – Она прижала обе ладони к стене, глядя вверх, туда, где полукругом шла надпись «Королевский дворец», и с сияющим видом повернулась к Генри. – Мы точно найдем здесь подсказку. И победим Освальда, и ты избавишься от дара, и мы сможем пожениться. Вперед!

Генри открыл рот, собираясь сказать, что ее выводы как-то слишком далеко зашли, но Роза уже оттолкнулась от стены и пошла к ближайшей арке таким бодрым шагом, что Генри едва ее догнал, – узел с вещами в толпе бил по ногам и его, и всех встречных. Роза скользнула в арку, Генри поймал ее за руку – и до него дошло, где они оказались.

Рынок, вот как это называется. Все пространство под округлыми сводами было занято рядами прилавков, нагруженных цветами, плетеной обувью и много чем еще, повсюду люди разглядывали товары и выкрикивали какие-то цифры. Роза тащила его вперед так, будто знала, куда им надо, и по пути с приоткрытым ртом оглядывала прилавки. Минут десять Генри наде-

ялся увидеть подсказку среди зелени, корзины и сушеных рыб, но скоро даже Роза замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась.

– Барс не помог, – мрачно сообщила она и обхватила себя за локти, будто снова испугалась толпы.

– Не всегда первая же стрела попадает в цель, – утешил Генри. Кажется, она правда думала, что Барс сейчас явится посреди рынка и объяснит им, куда идти. – Кстати, у нас есть еще одно дело: раздобыть тебе обувь.

И он потащил ее к прилавку, на котором были расставлены сапоги и ботинки.

– Я слышала, что вещи меняют на деньги, а у нас их нет. Ничего не выйдет, – уныло сказала Роза, и Генри в который раз удивился, с какой скоростью она переходит от воодушевления к безнадежности и обратно.

– У нас есть кое-что получше, чем деньги, – фыркнул он и, растолкав людей у прилавка, грохнул на него узел с вещами.

Продавец даже не оторвался от разговора, и Генри, чтобы привлечь внимание, взял его за воротник и тянул к себе, пока тот не упал животом на свои товары.

– Ты же принц, – прошептала Роза, но Генри было не до хороших манер.

– У меня есть выгодное предложение, тебе понравится, – сказал Генри, в упор глядя на перепуганного продавца, и выпустил его воротник.

Свободной рукой он ослабил узел с вещами и вытащил туфли Розы: ветхие, расшитые поблекшими золотистыми нитками.

– Старинные, – изрек продавец, косясь на них, и Генри довольно хмыкнул.

Больше всего люди ценят вещи, сделанные даровитыми предками, – за такие туфли продавец им сейчас десяток пар новой обуви даст. Надо бы попросить вдобавок какой-нибудь еды. Генри задумался, сколько всего будет уместно попросить за туфли, и не сразу заметил, с каким скучающим видом продавец на них смотрит.

– Старинные, потрепанные и неудобные, – договорил продавец. – Кто на таких каблуках в своем уме куда-то пойдет?

– Их сделали великие мастера прошлого! – возмутился Генри.

Продавец поправил воротник и с самодовольной улыбкой обвел рукой прилавок.

– А я великий мастер настоящего. Старье больше не в цене. Отойди, парень, не мешай торговать. – Он спихнул узел и туфли на пол. Роза издала полузадушенный писк и бросилась подбирать свои вещи. – Мне тут сегодня уже пытались продать старую обувь, да кому она теперь нужна?

Генри замер.

– Кто пытался? Люди из дворца? Человек, очень похожий на меня, и здоровенный парень, стриженный наголо? Они здесь были?

– Таких не видел. Из дворца, скажешь тоже! – хмыкнул продавец. – К нам оттуда даже посланники доезжают раз в пять лет. Ну и хорошо, а то все новое бы сцапали, как раньше – старое.

Генри оглядел рынок и наконец сообразил, почему здесь царит такое оживление.

– Вы уже знаете, что дары вернулись, – пробормотал он и уставился на ряды новеньких ботинок у себя перед носом. Кожа была выделана так себе, но обувь явно была удобной. – Эти корзины, и горшки, и сумки – они новые.

– Ты откуда такой сообразительный, из пустыни? Вы там, видать, совсем от новостей отстали. Сердце волшебства уже месяц как вернулось, я мастер-сапожник, а это – покупатели, которые много глазеют и мало покупают. – Он угрюмо обвел рукой толпу. – Товаров теперь больше, чем тех, у кого есть на них деньги.

Генри расправил плечи и уперся обеими руками в прилавок, лихорадочно пытаясь представить, как должны вести себя любимые народом герои.

– Я наследник Сиварда, вернувший Сердце, – важно сказал он, в упор глядя на продавца. – В благодарность за подвиги и за то, что ты получил дар, ты подаришь мне ботинки для этой девушки. Давай сюда. Пожалуйста. Она пришла сюда босиком, и, я уверен, тебе ее очень жаль.

Продавец посмотрел на него так, будто с ним заговорил какой-то мелкий надоедливый зверек.

– Ребята, – проникновенно сказал он зевакам, собравшимся вокруг, – этот пустынный дикарь вымогает у меня ботинки. Как насчет того, чтобы его побить?

Против этого предложения никто не возражал, и Генри оставалось только схватить Розу за руку и потащить к солнечному полукругу ближайшей арки. Его надежда на то, что Сердце сделает всех не только даровитыми, но и добродушными, не оправдалась. За спиной угрожающе стучали шаги, но в умении уходить от погони местным посетителям рынка с Генри было не тягаться – он петлял в толпе, запутывая следы, и остановился только на дальнем конце площади, шурясь от яркого солнца.

– Вещи можешь бросить, – сказал он, увидев, что Роза тащит узел за собой. – Они обесценились.

– Какой красивый город, – дрожащим голосом сказала Роза и выдавила такую жалкую улыбку, что Генри нахмурился. – И милые люди, они просто тебя не поняли. Ничего, если я присяду? Я не устала, я могу идти дальше, всего на минутку.

И она с вежливой улыбкой, как на королевском обеде, уселась прямо на камни, которыми была вымощена площадь. Генри сел рядом, подпирая ее плечом, чтобы она не упала совсем. Ему впервые пришлось в голову, что пятнадцать часов в пути для человека, никогда не выходившего из дома, – это немного чересчур.

Он бы не отказался вот так посидеть хоть пять минут, но на них едва не наступали прохожие. Генри беспомощно завертел головой. Будь они в лесу, он бы нашел место для отдыха, но тут...

А потом его взгляд упал на одно из зданий, окружавших площадь. Двухэтажное, с волнистой крышей и потертой, едва читаемой надписью, выбитой на стене: «Гостиница «Нежное сердце»».

– Гостиница – это как постоялый двор, да? – выдохнул Генри, вспомнив, как с помощью Джетта когда-то переночевал в комнате братьев Кэмпбеллов. – Вперед! Мне надо обыскать хоть весь город, но найти подсказку, а ты пока отдохнешь.

Роза замотала головой, обнимая свой драгоценный узел, но Генри уже поставил ее на ноги и подтолкнул в нужном направлении.

Помещение за дверью было таким просторным, что, видимо, занимало весь первый этаж целиком. Тут было прохладно, стены из песчаника мягко поблескивали, вдоль них стояли несколько продавленных старых диванов и большой стол в виде буквы «П». За столом сидела угрюмая пухлая девушка.

– Закрото, – отсутствующим голосом сказала она, не отрываясь от своего непонятного занятия.

Рядом с ней стояла деревянная конструкция с колесом, на которую сверху был надет большой клоч шерсти синего цвета. Девушка быстро перебирала пальцами, как показалось Генри, в воздухе, но, подойдя ближе, он сообразил, что на самом деле вся эта хитрая штуковина помогает девушке скручивать из шерсти толстую синюю нить.

– Эй, – позвал Генри. – Доброе утро. У вас тут можно отдохнуть? Денег нет, но есть красивые вещи. Очень красивые. Старинные. Хотите, покажем?

Ответа не последовало. Генри собирался уже перегнуться через стойку и потрепать девушку по плечу, но Роза его остановила и тихонько постучала кулаком о стол. Девушка нехотя подняла голову.

– Сказала же: закрыто. Проваливайте, – буркнула она и снова перевела взгляд на мелькавшую между ее пальцами шерстяную нить.

– Нам нужна комната, – сказал Генри тем тоном, которым Освальд обычно угрожал своим врагам. – С тех пор как дары проснулись, людям нравится все новое, так? Но вряд ли вы так быстро научились делать новые ткани. – Он вытряхнул из узла пару каких-то платьев. – Разрежьте эти тряпки и сшейте из них что-нибудь другое. Мы с отцом так делали, когда вещи становились совсем негодными.

– Серебрянка в день за комнату – отсутствующим голосом сказала девушка, продолжая прясть нить так, будто от этого зависела ее жизнь. – Или выметайтесь.

Разговор зашел в тупик, и Генри со вздохом снял перчатку. Когда стол рассыплется в пепел, девушке придется послушать, что ей говорят. Он до дрожи боялся, что огонь вернется, но Розе нужен был отдых, а отец учил его не останавливаться, пока не добьешься цели. Генри вдруг понял, что снова мысленно называет Освальда отцом, и поморщился от того, насколько это казалось правильным, – словно заполняло пустоту, которой он даже не замечал.

Генри протянул голую руку к столу и уже почти прикоснулся, когда Роза взяла его за рукав и потянула назад. Он едва чувствовал прикосновение ее пальцев – теплое марево в голове заглушало ощущения. Ему было противно от того, как сильно он предвкушал прикосновение к столу, как сильно что-то внутри его жаждало разрушать, – и это отвращение заставило его остановиться.

– Селина, простите меня, пожалуйста, за любопытство, – начала Роза таким сиплым голосом, будто собственная наглость приводила ее в ужас. – Но скажите, вы любите господина Седжвика всей душой или вам просто льстит внимание такого популярного и привлекательного мужчины?

Девушка замерла. Колесо, которое она как-то ухитрилась приводить в движение ногой, остановилось.

– Откуда ты... – начала она, глядя на Розу едва ли не с ужасом.

– Моя неучтивость ужасна, но так хочется иногда поговорить о любовных делах, а не с кем. – Роза с извиняющимся видом опустила голову – А у вас с господином Седжвиком такая красивая история, я не смогла удержаться.

Селина поднялась, и Генри напрягся. Он был готов драться, если будет нужно, но Селина, кажется, вовсе не злилась.

– Почему знаешь, что я ему нравлюсь? Тебе кто сказал? – грубо спросила она, но Генри видел, каким жадным любопытством, какой надеждой горят ее глаза.

– Никто, мы первый день в городе. Я просто заметила картинку у вас на столе с надписью: «Уважаемой Селине от Седжвика». Вы ее поставили так, чтобы все время видеть, а значит, вам приятно внимание этого человека. – Роза прижала обе руки к груди. – Фрукты прекрасно нарисованы, и краска свежая, значит, у него дар живописца. Почерк и стиль рисования уверенные, четкие, а это говорит о сильном характере.

Генри перегнулся через стол и посмотрел на разноцветный рисунок, стоявший перед Селиной. Он бы на такую мелочь и внимания не обратил.

– Ты все это поняла по картинке? – Селина неуверенно хохотнула. – Не вешай мне лапшу на уши!

– Там, откуда я родом, женщины с детства учатся понимать намеки мужчин, угадывать их характер по малейшим деталям. – Роза подняла взгляд, и голос у нее окреп. – Вся наша жизнь посвящена замужеству. Нужно знать того, с кем придется провести каждый день до смерти.

В мире, принадлежащем мужчинам, нам нужно иметь свое оружие: тайные знания настоящих женщин.

Туго скрученная нитка в руках Селины расплзлась на две, но та даже не заметила. Она смотрела на Розу так, будто перед ней волшебное существо, рассказывающее о том, как найти невероятные сокровища.

– Думаю, он невыносимо самовлюбленный, – продолжала Роза, глядя на картинку. – Мазки краски довольно небрежные. Все обрели дары совсем недавно, скромный юноша еще год бы тренировался, прежде чем кому-то вручить свою работу, а господин Седжвик не таков. Я даже думаю, он сделал несколько рисунков и подарил их нескольким девушкам. Характер у него за месяц поменяться не мог, значит, он был самоуверенным и без дара, то есть он, скорее всего, еще и хорош собой. Судя по подписи, вы еще не слишком близко знакомы, и ваша история сейчас на самой интересной стадии: ухаживания.

– Он назвал меня «уважаемой», – процедила Селина, мрачно глядя на картинку. – И подарил свои рисунки еще Марии и Адриане. Я ему вовсе не нравлюсь.

Роза фыркнула.

– Если б вы ему не нравились, он бы вам и вовсе ничего не подарил. Мужчины не делают подарки девушкам из уважения, только из интереса. И что же было на других двух рисунках? Наверняка какой-нибудь пейзаж.

Щеки Селины сердито порозовели:

– На одной здание рынка, а на другой – пустыня. Красиво! Я выискала предлог зайти к ним и глянуть. А у меня – еда. Он что, намекает, что я толстая?

– На вашей картине яблоки, абрикосы и тюльпаны, символы жизни и плодородия, в оттенках красного, оранжевого и розового. Он и сам мог этого не заметить, но использовал цвета любви и страсти. Вы ему нравитесь, не сомневайтесь.

– Я так в него втрескалась, что хоть башку себе о стену расшиби, – выдохнула Селина. – Но эти две овцы куда красивее меня, не может быть, чтобы он...

– Красота – это неважно, – спокойно сказала Роза. – Главное – уметь себя подать. Гордость, осанка, взгляд, пронзающий, как стрела, и, конечно, наряд. Кстати, у вас прекрасный дар пряжи – сможете делать себе любые ткани. Правда, синий не совсем ваш цвет. Ваш тип внешности называется «весна», вам больше подойдут теплые оттенки.

Селина перегнулась через стол и оглядела Розу с головы до ног. Генри даже не представлял, что ее мрачное лицо может выглядеть таким воодушевленным.

– Барс послал мне тебя, сестра, – пробормотала Селина и вдруг сжала обе ее руки. Генри думал, что Роза отпрянет, но, кажется, запрет на прикосновения распространялся только на мужчин, и она просто сжала руки Селины в ответ. – В четыре часа на рынке представление, все соберутся смотреть, и он там будет. И эти две красотки – тоже. Поможешь мне одеться? Если научишь этим своим штукам, с меня обед, сандалии, горячая вода и лучшая комната.

Роза учтиво склонила голову:

– С благодарностью приму это любезное приглашение.

– Я, пожалуй, пойду, – слабым голосом сказал Генри.

Про него все, кажется, давно забыли. Селина махнула рукой, показывая, что он может идти, куда хочет и, в общем, оттуда не возвращаться. Роза, продолжая улыбаться ей, бросила на Генри короткий взгляд, от которого у него что-то сжалось в животе. Он даже не думал, что это такое острое, яркое чувство, – понять, что кто-то гораздо умнее, чем тебе казалось, пусть и каким-то своим, причудливым и непонятным умом.

– Я вернусь, – брякнул он, глядя на Розу, которая в ответ, скромно потупившись, кивнула с таким видом, будто его слово – нерушимый закон.

Генри оставил ее в прохладном зале и вышел на улицу. На него снова обрушились звуки, краски и запахи, но пару минут он просто стоял и пытался выбросить из головы внезапный

вопрос. Если Роза по картинке столько сказала о каком-то незнакомце, сколько всего она знает о нем самом?

– Нужно узнать, зачем звезды нас сюда привели, – пробормотал он, когда наконец заставил себя сосредоточиться. – Есть ли волшебное существо, которое мне поможет?

Генри повторил эту фразу несколько раз, громче и тише, как приказ и как просьбу, но никто не откликнулся. И он побрел через площадь, стараясь не думать о неприятном: что, если Эдвард и остальные поблизости и он натолкнется на них? Эдвард быстро справился с первой загадкой, потому что много знает, – вдруг он читал что-нибудь про этот город до того, как попал сюда? И Генри поймал за локоть ближайшего прохожего, сутулого деловитого коротышку.

– Доброе утро, простите за беспокойство, – начал он, изо всех сил стараясь выглядеть приветливо. – Вы не могли бы кое-что мне подсказать?

– Ну? – буркнул прохожий, прижимая к себе сумку, и Генри улыбнулся так старательно, что губы заболели.

– Чем был известен ваш город до потери Сердца? Он такой красивый, наверняка в нем есть что-то знаменитое. Или, может, с ним связана какая-нибудь легенда. Или сказка. Или...

– Ничего особенного, – покачал головой прохожий, и Генри едва не застонал от разочарования. – Вот разве что мозаики.

– Это волшебные существа? – оживился Генри.

– Нет. Картины на стенах зданий, они у нас по всему центру города. До потери Сердца тут жил лучший мастер мозаик, его по всему королевству приглашали такие картины складывать. Ну, и для родного города постарался – хотел, чтобы отовсюду ехали на наш город посмотреть. – Прохожий сосредоточенно наморщил лоб. – А, вот еще что. Самую когда-то называли городом влюбленных. Сюда парочки отовсюду приезжали, тогда и гостиницу выстроили с таким сахарным названием. Но что им тут надо было, уже никто не помнит. Ну все, мне пора.

Прохожий устремился в сторону рынка, Генри крикнул ему вслед спасибо и уставился на мозаику с коровами и овощами. Интересно, чем древний мастер приклеил все эти кусочки камня так крепко, что они за триста лет не отвалились? Кроме этого вопроса, в голову Генри больше ничего не пришло, и все же... что, если он оказался в Самайе как раз из-за того, чем она знаменита?

Следующий час он бродил по переплетению улиц вокруг площади и искал мозаики на стенах домов. Воображение у древнего мастера было что надо, изображения ни разу не повторялись, но, увы, ничего похожего на Барса, ключ от всех дверей или надпись: «Генри, вот что тебе надо сделать» – там не обнаружилось.

В конце концов Генри добрал до совсем уж невероятного сооружения. Это был фонтан посреди еще одной площади, и сразу было видно, что к этому сложному устройству мастер мозаики тоже приложил руку. В середине огромной плоской чаши, полной воды, возвышалась стена в два человеческих роста высотой, покрытая мозаикой в виде каких-то невиданных рыб и существ. На выступах в стене сидели две белые скульптуры тянущихся друг к другу людей, почему-то с хвостами вместо ног. «Влюбленным» – гласила надпись в верхнем углу стены, выложенная из мелких желтых камешков. Генри сел на край фонтана, зачерпнул воды и начал жадно пить. От усталости руки подрагивали. Как вообще можно найти подсказку, не понимая, как она должна выглядеть?

Самым поразительным было то, что фонтан работал: на верхнем краю стены, угрожающе нависая над двумя белоснежными фигурами, лежало черное существо, напоминавшее Алфорда в обличье чудовища: бесформенное нечто с щупальцами вместо лап. Из его открытой пасти вниз лился широкий поток воды, осыпая мелкими брызгами всю площадь. Судя по длинным водорослям, колымавшимся на дне фонтана, он не переставал работать триста лет. Видимо, древний мастер нашел какой-то невероятный способ забирать воду из речки, которая текла неподалеку между выложенных камнем берегов, а потом возвращать обратно.

Генри встал и собирался уйти, но остановился. Ему почему-то не давала покоя надпись «Влюбленным», и он нахмурился, пытаясь понять, в чем дело.

Надписи. Он видел еще парочку на других мозаиках, и каждый раз – одно слово. Надписи явно были сделаны тогда же, когда и мозаики, то есть сотни лет назад, они уж точно не связаны с Джеттом, но всегда лучше попробовать маловероятный способ решения проблемы, чем сидеть сложа руки. Генри огляделся, выбирая, куда пойти, и увидел на камнях мостовой выложенную мозаикой истертую стрелку, указывающую на одну из улиц.

Через пять минут он стоял рядом с очередной мозаикой на стене дома. Ее он сегодня уже видел – вид Самайи на восходе солнца, – но на этот раз он искал только слово. Обнаружилось оно не сразу – мастер написал его прямо на розовом полукруге рассветного солнца, причем почти таким же розовым цветом. «Солнце» предсказуемо гласила надпись, и Генри сказал себе, что занимается ерундой, но все-таки заставил себя дойти до следующей мозаики, к которой вела еще одна стрелка на мостовой.

Слово номер три тоже разочаровало: «светит», написанное на солнечном луче, падающем из окна в комнату, где за столом сидела женщина с книгой. Генри просто из упрямства перешел по очередной стрелке к мозаике номер четыре и получил слово «ярче» на огромном красном цветке.

А вот слово номер пять наконец-то было вообще не связано с картинкой. Над изображением спящей девушки с такими длинными волосами, что они падали с кровати, а потом свешивались куда-то за окно комнаты, было четко и ясно написано черным слово «когда».

Еще полчаса Генри лихорадочно переходил по стрелкам. Мозаик со словами оказалось ровно десять. Когда он прочел десятое слово, оказалось, что стрелок больше нет. Куда идти дальше, он не знал, зато у него была целая фраза: «Влюбленным солнце светит ярче, когда за стену из дождя войдут». С минуту Генри повторял ее про себя без всякого смысла, а потом до него дошло.

Найти фонтан оказалось легко, потому что около мозаики с десятым словом легко было расслышать шум воды. К счастью, площадь была совершенно пуста, и никто не увидел, как Генри перелез через край фонтана. Он пошел вперед, стараясь не поскользнуться на толстом ковре из водорослей, и шагнул прямо под яркий от солнца поток воды, льющийся изо рта чудовища. Впереди не должно было быть ничего, кроме стены, но Генри шагнул еще раз, другой, третий, и водный занавес остался за спиной.

Перед ним оказалась круглая комната, и сразу было ясно: это место создал не мастер мозаики. Наверное, он пригласил кого-нибудь из своих друзей, того, кто умел повелевать пространством, растягивать и сжимать его как угодно, ведь это место никак не могло поместиться внутри стены, но именно там оно и было.

Круглый зал был выложен мелкими золотистыми камешками, они сияли мягким, непонятно откуда идущим светом, и Генри вспомнил, где видел такие же стены: в Башне мастеров. Но самым странным были здесь вовсе не стены. В дальнем конце комнаты все было заплетено розами: они цеплялись колючками за пол и потолок, цвели во всю силу без всякого солнца: алые, розовые и белые, с печальным нежным запахом. Это было так красиво, что Генри не сразу заметил надпись, выложенную из камешков уже знакомым почерком мастера мозаики. На этот раз тот не пожалел места и усилий на длинный текст, полностью занимавший одну из стен:

*Влюбленные, добро пожаловать в Тайную нишу! Ум и наблюдательность привели вас сюда. Возьмите розу с этого куста, пусть каждый из вас уколется палец, и если она не засохнет, значит, вы искренне любите друг друга. Роза будет цвести, пока ваша любовь не увянет. Пусть волшебный цветок будет вам памятью о моем прекрасном городе. Франклин, мастер мозаики.*

Наверное, эта волшебная ниша перестала работать, когда Сердце спрятали, вот почему все жители успели забыть, зачем влюбленные съезжались в Самайю. Генри в каком-то порыве вдохновения подошел к розам, сорвал белую, вставил в нагрудный карман рубашки и хотел уже уйти, а потом увидел свежий срез на соседней ветке.

Сердце у него застучало сильнее. Вход сюда волшебный, а значит, заработал снова, когда Сердце вернулось, месяц назад. Местные еще не нашли это место, иначе вокруг фонтана толкался бы народ, а срезанных цветов было бы куда больше. Генри зашарил по колючим розовым плетям, раздвигая их, чтобы посмотреть на стену за ними, и скоро нашел то, что искал: еще одну надпись на сияющих камнях. Она не была выложена из мозаики, просто написана чем-то вроде мела.

*Подскажет ответ человек с бородой,  
Хранит королевство он с давних времен.  
Глаза тебе в помощь, их шире открой:  
Все двери открыты тому, кто умен.*

А рядом с ней шла другая надпись, углем, и, хотя Генри десять лет не видел почерк Эдварда, он узнал его в ту же секунду.

*Мне прислали сороку, что ты сбежал. Если доберешься сюда, Освальд, знай, что мы тебя опередили, – кажется, я отгадываю загадки лучше тебя.*

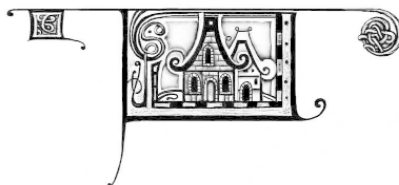
Генри потер пальцем стихотворение. Конечно, оно не стиралось, иначе Эдвард уж точно его бы уничтожил. Болван, идиот, ну почему он так хорошо помогает худшему врагу, почему не видит чужака у себя под носом? Генри бросился к выходу, не оглядываясь, – розы его больше не интересовали. Эдвард ведет Освальда прямо к хранителю ключа, и Генри не сомневался, что Эдвард разгадает загадку куда быстрее, чем он сам.

Он шагнул обратно под тяжелые струи воды и снова оказался в фонтане. В этот раз площадь была не пуста: по ней шла девочка. Увидев Генри, она вскрикнула и застыла.

– Вы вылезли из стены, – дрожащим голосом сказала она так, будто хотела сообщить ему что-то, чего он не знал.

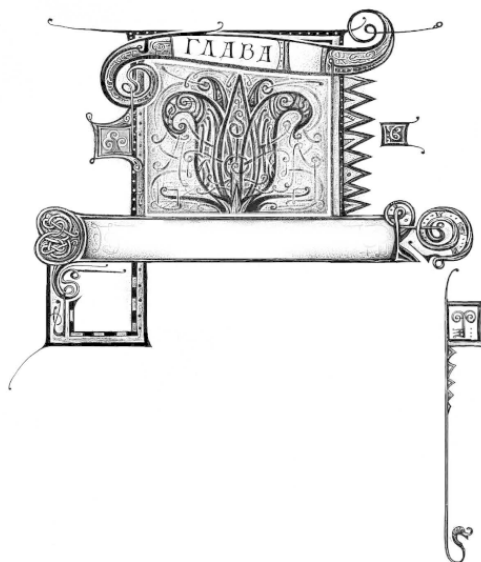
– Где главная площадь? – спросил Генри, выплевывая воду.

Она ткнула в сторону ближайшей улицы, и Генри, перемахнув через край фонтана, помчался туда. Краем глаза он заметил, что девочка полезла в фонтан. Учитывая, с какой скоростью среди людей распространяются новости, Генри не сомневался, что весь город узнает про Тайную нишу в самое ближайшее время.



## Глава 4

### Мастер иллюзий



На первом этаже гостиницы никого не было, но из-за приоткрытой двери в дальнем углу доносился шорох и плеск. Генри хотел было крикнуть «Эй!», но вместо этого слегка постучал кулаком по столу как делала Роза. Селина выглянула ему навстречу вытирая полотенцем волосы. Она оглядела мокрого насквозь Генри и собиралась что-то сказать, но он ее перебил:

– Где Роза?

– Сядь вон на тот диван и жди. Когда закончу разбужу ее, – рассеянно сказала Селина, продолжая встряхивать волосами.

– Сам справлюсь. Где она?

– Жди, где сказано! – Селина вытаращила глаза, будто поражалась его глупости. – Парню вообще нельзя заходить в комнату к девушке!

– Почему? – устало спросил Генри.

Селина задумалась, словно ей не приходило в голову подвергать сомнению такой незыблемый закон Вселенной.

– Ну, парень может воспользоваться положением и, понимаешь, ну...

– Что?

– Соблазнить ее.

Генри долго думал, что она имеет в виду, а потом наконец сообразил.

– Так вот как вы это называете, – пробормотал он. – Уверен, это тупое правило выдумали за последние триста лет.

– Тупое? – возмутилась Селина. – Только традиции защищают беспомощных девушек от таких прохвостов, как ты!

– Знаешь, что делает самка рыси, если ей не хочется, чтобы самец ее, как ты говоришь, соблазнил? – перебил Генри. Селина потрясенно приоткрыла рот. – Дает ему лапой по морде, шипит на него, он понимает, что ему не рады, и уходит. Самки – это королевы леса, имеют право. А вы...

Он вспомнил несчастных девушек из дворца, покорно ждущих, когда им преподнесут первоцвет, и безнадежно замолчал.

– Королевы леса, – вдруг повторила Селина медленно, будто смаковала каждый звук. У нее было такое лицо, будто Генри сказал что-то невероятное. – Пятая комната, второй этаж.

За дверь с номером «5» оказалась просторная комната, почти лишенная мебели: только узкая кровать и шаткий стол. На нем стоял таз с водой и лежало покрытое разводами грязи полотенце. Роза спала, завернувшись в одеяло по самый нос. Когда Генри потряс ее за плечо, она открыла глаза и долго смотрела на него, а потом обвела взглядом комнату и расплылась в улыбке.

– Нравится? – спросила Роза и села на кровати, вдев ноги в заношенные соломенные тапки.

Генри не сразу понял, что ее вопрос относится не к обстановке комнаты, а к платью, которое теперь было на ней надето. Когда-то оно, кажется, было зеленым, но от многочисленных стирок полиняло почти до белизны. По краям ткань уже совсем распустилась на нитки, а в поясе Розе пришлось подпоясаться веревкой: платье было в два раза шире ее.

– Селина разрешила мне выбрать одно свое платье в подарок! Зеленый – все равно не ее цвет. Тебе нравится? – Роза встряхнула распущенными волосами. – Я теперь больше похожа на тех девушек, которых ты встречал?

Генри на всякий случай кивнул, не совсем понимая смысл вопроса, а Роза потянулась к ящику стола и достала яблоко и большой ломоть хлеба:

– Селина меня накормила. Я спрятала для тебя все, от чего могу потолстеть.

Генри вгрызся в хлеб, с сомнением глядя на руки Розы, – такие тощие, что можно было разглядеть каждую косточку. Вот уж кому не помешала бы пара буханок хлеба, а еще лучше – жирный, сочный кабаньей окорок.

– Нужно помочь Селине с прической, – сказала Роза. Она даже не спросила, нашел ли он подсказку, будто это ей было совершенно неважно. – Может быть, ты пока отдохнешь?

Генри помотал головой, высасывая остатки сока из яблочного огрызка.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.